

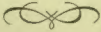
ОГОНЁК

№ 10 МАРТ 1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1852-1952

Здания Невинского педагогического института имени Н. В. Гоголя. Здесь помещалась «гимназия высших наук», в которой с мая 1821 года по июнь 1828 года учился Н. В. Гоголь.

Фото В. Приходько

ЗДѢСЬ
УЧИЛСЯ
ГОГОЛЬ

съ мая 1821 по июнь 1828 г.

На первой странице обложки: Николай Васильевич Гоголь.

Портрет работы А. Иванова. Государственный Русский музей, Ленинград.

На последней странице обложки: «Чуден Днепр...» Фотограф Н. Колосовского.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вся наша страна, все народы Советского Союза отмечают столетие со дня смерти великого русского писателя, создателя бессмертных художественных образов, непревзойденного художника слова — Николая Васильевича Гоголя.

От села Великие Сорочинцы, родины писателя, до высот Памира известно это славное имя, которое любят и ценят советские люди, потому что сочинения Гоголя до сего дня сохраняли свежесть языка и непередаваемую прелесть гоголевского стиля, силу его сатирического юдошования, тонкость его поэтических пейзажей, величайшую широту эпического рассказа.

Советские люди хорошо знают всю сложную историю творческой жизни великого писателя, знают, как создавались эти могучие произведения, знают, что думал Гоголь о назначении писателя, о его месте

в обществе, знают победы его творческого духа и темные провалы, в которые толкала писателя толпа реакционеров, ненавидящих народ и правду, раскрытую в гоголевских типах.

Гоголь хотел, чтобы русские люди, прочтя его книги, сказали: он знает, точно, русского человека; не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство.

Советский читатель со школьной скамьи знаком с веселыми, молодыми, простыми и замечательными «Вечерями на хуторе близ Диканьки», он согласен с оправданием Белинского: «все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах г. Гоголя».

В «Миргороде» уже прозвучали другие ноты, другие краски появились перед глазами читателя. Он увидел картины, написанные кистью

Годы русской реалистической традиции

Иркий АНДРОНИКОВ

1

Думаю ли вы когда-нибудь о том, что Тарас Бульба — сверстник Ивана Сусанина, удалого купца Калашникова и Емельяна Пугачева? Не в истории, конечно, а в истории литературы и искусства.

Припомним даты: 1835 год. Вышел в свет «Тарас Бульба» Гоголя.

1836 год. Появилась «Капитанская дочка» Пушкина, в которой предстал перед читателем богатырский образ Пугачева.

В том же 1836 году состоялось первое представление оперы Глинки «Иван Сусанин».

В 1836—1837 годах Лермонтов пишет «Песню про купца Калашникова».

В «Тарасе Бульбе» воскрешены славные битвы украинского народа — XV — XVI века. Смелый купец Калашников живет в Москве второй половины XVI века, в суровую эпоху Грозного. Иван Сусанин совершает свой бессмертный подвиг в глуши костромских лесов в начале XVII века. У Пушкина изображено восстание Пугачева — славные страницы истории XVIII столетия. Но в литературе и в музыке они — могучие герои, борцы за свободу, независимость народа, люди высокой чести, созданные гениями Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Глинки, родившимися в одно время.

Пусть Тарас Бульба и Степан Калашников не существовали в действительности, как Сусанин и Пугачев. Верные исторической правде, Гоголь и Лермонтов, так же как Пушкин и Глинка, создали образы, в которых отразились обобщенными лучшими чертами народа: безграничная любовь к родной стране, мечта о свободе, бесстрашие, огромная нравственная сила, глубокий ум, стремление к подвигу, готовность принести себя в жертву высокой идее.

Не спорившая между собой, четыре великих народных художника дали одно дело в одно и то же время. И каждого из них вдохновляли народные песни. Для каждого песни служили важным источником исторических знаний и мерилом исторической правды. «Моя радость, жизнь моя! Песни! как я вес люблю!» — восклицал Гоголь, приступая к соборному материалу по истории Украины: «Что все чертешья лепеталица, в которых я черпал роиса, пред этими звонкими, живыми лепеталицами! Я не могу жить без песни» — пишет он в том же письме. — Вы не понимаете, какая это мука. Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические...»

«Песни заступаются в поэзию народную», — записал Лермонтов, — то, верно, больше на буду ее искать, как в русских песнях. В «Песне про купца Калашникова» он воссоздал и дух и харак-

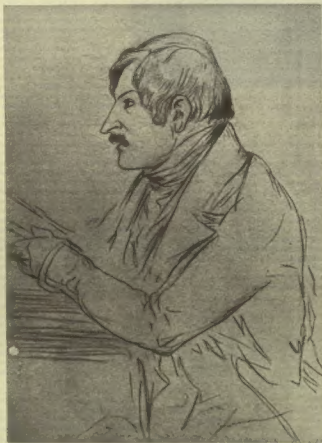
тер русских исторических песен — об Ивана Грозного, о его шурине Матроне Тырковской, — воплотил стиль и дух «Бисен разбойничих» и казача.

Сохранился план статьи о народных песнях, которую собирался писать Пушкин. «О Иване Грозном», — читая мы в этом плане. — О Матроне: О Ст. Разина... Казачки...»

он воссоздал в трех песнях, написанных в духе народных.

В восьмую главу «Капитанской дочки» Пушкин ставил старинную народную песню:

Не шифи, мати зеленая дубровушка,
Не мжашь мне доброду
молодцу думу думать.
Что завтра мне добру
молодцу в допрос иди

3. А. Мамонтов. И. П. ГОГОЛЬ. «ЧИТАЮЩИЙ «МЕРТВЫЕ ДУШИ». 1839

Задумав писать о Пугачеве, Пушкин, как известно, отправился на Урал, в места, связанные с пугачевскими движениями, собирать народные предания, записывать народные песни. Из рассказов современников Пугачева, из этих народных преданий и песен вырос перед ним могучий образ народного вождя. Образ другого народного вождя, Степана Разина,

Перед грозного судью,
самого царя.

Что возговорил надвигая
православный царь.
Исполит тебе, детинушка,
крестьянский смил,
Что умел ты воровать, умел
ответ дерзавый.
Я за то тебя, детинушка,
пожалую

Среди поля хоробрым
высоким,
Что дума и стоишь
с прикладной.

«Невозможно рассказывать, — читая в «Капитанской дочке», — какое действие произвела на меня эта простонародная песня про асицелку, распеваемая людьми, обращенными асицелку». Это иже самая песня «произвела действие» и на Лермонтова, послужив одним из источников «Песни про купца Калашникова»:

Как возговорил православный
царь!

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой бои, сын купаческий,
Что ответ держал ты по совести.
...Ступай, детинушка,
Не высокое место лобное...
Чтобы знали все люди
московский,
Что и ты не оставил своей
милостью...»

В первой арии Сусанина Глинка использовал тему песни, которую слышал от казаков в городе Луга. Эта тема снова звучит в последней сцене в ответе Сусанина повязкам: «Где зовут я вас, куда и серый волк не забегает. В компаньенте Глинка, по его словам, имел в виду нашу известную разбойничью песню «Виза по лесу» по Волге.

Подлинная народная песня в «Иване Сусанина» только одна. Но источником собственной музыки служили Глинке молодцы народных песен. Вот почему он говорил о чисто-русском характере своей оперы, а современники отмечали в рецензентах «Ивана Сусанина» «интонация русского голоса».

Кому же, как не Гоголю, как не Пушкину, было оценить по достоинству первую русскую народную оперу! «Пожалуйте мне народ, у которого бы больше было песен», — писал Гоголь. — У нас же не из чего составить свой оперы! Опера Глинки есть только прекрасное начало...»

Пушкин, возмущенный творением Глинки, посвятил ему все свое четверостишие.

Кому же, если не Пушкину и Глинке, было оценить гармоничную повесть Гоголя! Вдохновленный Гоголем, Глинка начал писать украинскую симфонию «Тарас Бульба». Пушкин, по словам одного из его друзей, «особенно любил «Тараса Бульбу». Гоголь, а само «Тарасе», восторгался «Капитанской дочкой» и считал, что это — крупнейшее лучшее русское произведение в сопоставительном роде, в котором на первый ряд выступили истинно-русские характеры.

Все это ясно видно в этом великом понимании великого со-

Ф. А. Моллер. Н. Н. ГОГОЛЬ. 1841. Рим.

здателей русской литературы! Каково ясное ощущение общего дела!

Образы народных героев — Пугачев, Разин, кузнец Архип — крепостного из Кистеневки, деревенского Дубровского, того самого Архипа, который сменяет призраков в барском доме и, рискуя жизнью, спасает из огня кошу — образы старого русского воина из лермонтовского стихотворения «Бородино», Максима Максимовича, Степана Калашникова, Тараса Бульбы, его сына Остапа — противопоставлены у Пушкина, Гоголя, Лермонтова миру ничтожных себестоимых и жестоких крепостных.

В разоблачении крепостничества ни Гоголь, ни Лермонтов не были значительными. Начало было положено Радищевым и Фонизиним. «Деревня» Пушкина и «Город и деревня» Грибоедова. Но надо было «копаться» еще неизвестные в литературе формы проявления этого общественного позора.

Непонимая радищевским пороком стихотворение Пушкина «Деревня» было важным злом в борьбе с самодержавно-крепостническим порядком. Через двадцать лет с необычайной силой прозвучало восмистическое увещание в пользу Лермонтова «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ...» Огромным общественным событием явился постановка на сцене «Ревизора», в котором высмеивали были дворянско-чиновники — те, кто обирали основы и кто сам составлял основы режима.

Пушкин показал, каковы Троекуров, надменный и жестокий самодур; старый шут с рыжим бабьем лицом Антон Перфутьевич Спир

цы; робкий поклонник парижского мод траф Пункин; англичанин Муромский, вывешенный в «бешеных-крестьянских» и соседа его Берестов, почитавший себя умнейшим человеком, хотя ничего не читал, кроме «Славных Вздохов», где печатались одни объявления о продаже дворянских имений с публичных торгов.

С такой злой иронией изображал Пушкин в «Евгении Онегине» и московский свет, и петербургский свет, и толпу зловещих помещиков, связавшихся с Лермонтовым на ипподроме.

С своей суррогатной дорожкой Приваля, толстый Пустиков; Гвоздики, хозяин православной, Владыке нищих мужиков; Скотинин чье седало, с детьми всех возрастов, считая от тридцати до двух годов; Уездный франтик Питушок... И остановой человек Фленов, Таежный слатник, старый лгу, Обмороз, пьяница и шут.

Эта строфа как бы правдевает появление в русской литературе «Мертвых душ» Гоголя, а ту пору еще даже не задуманных.

Сколько горечи, гнева, саванности в изображении глупых чврт российских крепостников в произведении Лермонтова! Обличения вликозвестного общества, где пороки и преступления скрывались под маской благоприличия, этого вечного миссерада светской жизни, составляет основной пафос лермонтовского поэзии. Святой ненавистью ненавидел и отторгал Лермонтов крепостной строй самодержавной России.

Эта николаевская Россия со всей полнотой и обстоятельностью представала в произведениях Гоголя.

Гоголь, можно сказать, всесторонне: изобразил и помещиков дворянство и чиновников — уездного, губернского и столичного. Изобразил частное явление или характер, Гоголь настойчиво стремился к тому, чтобы обрисовать в нем типичное для всех категорий российских дворян; более того: для тысяч категорий туземцев и бездельников, довести каждый образ до широкого обобщения.

В одной заметке, относящейся к работам над первой частью «Мертвых душ», он записал для себя:

«Как извести все мир безделья во всех родах до сведения с городской бездельем и как городского безделья возвести до преобразования безделья мира».

И тут же приписал: «Для этого включить все сходство и внести поставленный зодя».

Ий той же странице: «Весь город со всем выхрен слепитый — про изображение бездельности жизни всякого человека в массе».

Гоголь стремился к тому, чтобы описание губернского города со всем выхрен слепитый, вызванных покупок Чичикова, изобразил выхрен всяких слепитый — и петербургских и московских, изобразил такую суть, чтобы под городом N можно было разуметь и самый губернский город N, и Петербург, и Москву, и всякую ную столицу, и всякую ную светскую среду, в которой не переводится слепитый; и николаевскую Россию и вообще всякое паразитическое общество. Словом, стремился дойти до преобразования всякой слепитый. Стремился сочетать предельно конкретное и предельно обобщенное изображение. Оттого-то творения Гоголя и разоблачают не только ту российскую действительность, которую он изобразил в которой давно уже нет, но в наше время продолжают разоблачать глупую сущность капитализма, всех современных маньяков, плутов, чичиковых, вликозвестных, бочников и доблестных и разных других».

В тексте «Мертвых душ» Гоголь постоянно напоминает читателю о широте изображаемого явления: о том, что дамы города N «повертели дамы дам петербургских и московских, что котлячих, подобно многим дамам петербургским, необыкновенно озорным и прележным в словах и выражениях». По тому случаю, что с уст Чичикова излетало слово, подмеченное на улице, Гоголь считал нужным зарекомендовать читателям высшего общества, от которых ны услышавши одного пародического русского слова... Начиная и говорить, что отчужденное сходство с петербургскими высшим, сходство тут же неизбежно высмеивается. Но протекание всякой книги подкрепляется и проводится мысль, что речь идет о чертах типичности для любого «света» — уездного, губернского,

столичного — и что нет принципиальной разницы между какой-нибудь глупой старушкой Коробочкой и вликозвестной столичной дамой.

«Да полно, точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенства? Точно ли она так великая простота, отдающаяся ее от сестры ее, недостигаемо ограниченной стенами аристократического дома с вликозвестными чужими, ласковыми, сияющей медью, красивым деревом и коврами, звонящей за недолгой кинуть в ожидании остроумно-светского визита, да ей предстанет не пона блеску умом и пылкостью вытравленные мысли, мыслы, занимающие по законам моды на целую неделю город, мысли не о том, что делается в ее доме и в ее поместьях, запутанных и расторопных, благодаря незнанию хозяйственного дела, а о том, какой политический параворот состоится во Франции, каковы правление принял модный католицизм».

Образ прележливой Коробочки внезапно превращается в огромное обобщение непримудренный тон бытописателя, повествователь о похождениях Чичикова, смеявшиеся серьезным, комическое изображение старуки, становится сатирой на целый класс.

Небывалый до Гоголя жанр поэмы в прозе позволял ему не только активно вмешиваться в слово и построение действия, но и путем смелых сопоставлений и поэтических аллюзий доводить читателя наблюдению до больших социальных обобщений.

Коробочка, Маньяков, Плутон, Ноздрев, Собакевич с необычайной нудностью, детально, точно и полнотой олицетворяли тот общественный порядок, против которого направлялась вся ярость крепостной крестьянской России.

3

В том обществе, где деньги считали то, кто никогда не заработав, можно было нажить миллионы и составить себе имя крупной игрой. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, каждый по-своему, раскрыли эту злободневную тему.

В Петербурге, где еще так недавно собиравлись дворянство, где они строили планы осмещения родины от тирании и обсуждали проект конституции, светская жизнь 1830-х годов проводит ночи в игорных домах и, можно сказать, сходит от карт с ума.

Герман в «Плюшке» дамы сходит с ума буйственно. Он сидит в убогой комнате и бормочет необыкновенно скорое: «Тройка, семерка, туз», «Тройка, семерка, дама!» Но и предвещать ему услышал историю о трех картах старой графини, ему беспрестанно гранились карты, заставив стол, карты усмирили и груди червонца.

«Денги» — вот чего алкала его душа».

«Плюшка» дамы начинается словами: «Одним из игрли в карты...» — и кончается фразой: «Игра пошла своим чередом». Судьба Гермина выглядит на этом фоне как заурядный случай из хроник петербургской жизни 1830-х годов.

Повесть Пушкина вышла в свет в 1834 году. Лермонтовский «Ма-

«Обмануть всех и не быть обманутому — вот настоящая задача и цель», — говорит шуллер Изарев в пьесе Гоголя «Игроки». В ту минуту Изарев еще не догадывается, что он уже обманут

Идя по пути, заветному
Пушюным, направляемые Белкин-
ским, оба они — и Гоголь и Лер-

Работа над первым романом «Мертвая душа», Гоголь предавал уже, что не избегает писателю, дерзнувшему вызвать наутро «такую страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных повседневных характеров», «ярко, четко, бесчеловечного современного суда, который назовет ничтожными и жалкими мысленные создания, ответит ему презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих чуждостью, отчуждением, чуждостью».

This detail shows the lower portion of Michelangelo's 'The Fall of Man' fresco. It focuses on the figures of Adam and Eve. Adam is reclining on the left, his body extended towards the center. Eve is seated on the right, her body turned towards Adam. The composition emphasizes the physical forms and the interaction between the two figures.

смерти Пушкина лучшие свои моменты и вдалека в них, по слову Белинского, «свое единство входов и выходов и защитников».

Как излечить указанные или общественные болезни, ни Гоголь, ни Лермонтов в ту пору, конечно, знать не могли. Но уже самое разоблачение пороков крепостнических строк представляло собой великий гражданский подвиг. Следующие за ними поколения борцов — революционные демократы — восприняли книги Лермонтова и Гоголя как драгоценное идейное наследство. Они «милы славянам», — писал молодой Чернышевский. «Гоголь и Лермонтов кажутся недостижимым, великим, за которых я готов отдать жизнь и честь».

Своими художественными произведениями Гоголь отрицал ту русскую действительность, которая его окружала, так же, как отрицал ее и Лермонтов. Это отрицание было выражением самого благородного, самого активного, действительного патриотизма: ненавистью из любви. Это мысль, выразили и Герцен и Некрасов, сказавший о Гоголе:

Со всех сторон его клыкут,
И только труп его уныл,
Как много сделал он, поймав,
И как любил он... — ненавидя!

5

Пушкин описывает пугачевское восстание в «Капитанской дочке». Деятельнейший Лермонтов чуть раньше Пушкина воссоздает эпизоды крестьянского восстания под руководством Пугачева в романе «Евдokia», герой этого романа — молодой разорившийся дворянин — силой обстоятельств примыкает к восставшим крестьянам. Он мечтает отомстить своему обществу богачам помещику Пашушу. Как раз в это время Пушкин пишет «Дубровского». Пушкинский герой, чтобы отомстить своему притеснителю Троекурову, точно так же становится во главе отряда восставших крестьян. Уже установлено, что Пушкин и Лер-

монтов наши эти сходные сюжеты независимо друг от друга. Гоголь в свою поэму «Мертвые души» ставит «Повесть о капитане Копейкине». Притесняемый начальником, доверенный до краевой чужды, Копейкин становится атаманом шайки разбойников, — баглы солдат, т. е. тех же крестьян. Дало тут, конечно, не в обмывенных молодых джентльменах удивительные соображения эти объясняются мощным подъемом крестьянского движения в 1830-е годы. Русская действительность подталкивала великих писателей к творческой социальной теме — теме крестьянского восстания, теме народа.

С «Тарасом Бульбой», «Капитанской дочкой», «Песней про купца Калашникова», «Иваном Сусаниным» в русскую литературу, в искусство русское входил не только народный герой, воздвиг сам народ. Народный герой и не мог бы существовать на страницах книг и на сцене один, сам по себе. Он только стоял впереди народного толпы как ее представитель, как выразитель ее настроений и интересов.

Вместе с Бульбой в русскую литературу вошла Запорожская Сечь, откуда вылетали козак, «гордые и кряпкие, как вальс». Образ Тараса вписан в сцены славных битв за Украину. Сверкает саблем, свистит горячий пуля, Тарасов сын Остап, налетая на коруногого, нависая над воем веревки и вползает его через поле, слыша громко козак. Куреньной атаман Кривоногий вгоняет тяжелый палаш в победившего усте поверженного врага. Рубит и крестит оглушенного шляхтича просящий выкуп бандуристам, выходящий аним козак Мосей Шило. Обливает гласную пушку Гусак Степан. У слыши воем Вогуляево, а спереди Червчачино, а за ним — куреньной атаман Вертикаст. Дух шляхтичей поднял на копье Дятаренко. Угощая язвом Метельки, шловома того и другого. Не смерть бысть Зенуртульба. И много других нивылих и добрых козак.

На глазах всего честного народа мысленно против царя отриниса удавой боя Степан Пранюкович. И вот под заунывный звон колокола собирается на Красную площадь люд московский смотреть, как будет назнать купца Степана Калашникова. Не раскиснут латинки о его смылом подвига. Сохранят память о нем людские молва и народная песня. Мимо безымянной могилки его «промах треза дорог, промах Тульской, Рязанской, Владимирской, прозодит и вечно будет прозодит народ — кледи Добрыше!»

Пройдет стар человек —
перекрестится,
Пройдет молодец —
присоснится,
Пройдет девица —
пригорится,
А пройду гусляры —
сплозт песенку.

Народ видит, народ помнит, народ сияет правду в песне. И в этом бессмертная подвиг. Человек, посмевший поднять руку на царского слугу и на признавший над собой царской воли, бессмертен в народе. Вот в чем заключена идея лермонтовской поэмы.

Точно так же и в «Капитанской дочке» представлен на один Пугачев, но и народ — пугачевское войско. Вспомним штурм Белогорской крепости, штурм усевиную конными толпами, бешеное в рысцы шалка, с козлами. И среди них — Пугачев на белом коне, в красном кафтане, с обнаженной саблей в руке. На перекаленной воздыгнутой в Белогорской крепости висельни, сидя верхом, призывает веревку изуродованный старый башкирец, которого накануне собирались пытать. Запоминается народ, встречающий Пугачева с поклонными, шумный с дубинами, охраняющие зорскую. За трагедией полон заунывный бурлящий песней «разгорелые вилыма казачие штершины в цветных рубашках и шпалет. Радон с Пугачевым показан его «кравель» — Бело-

родов, старинкой с голубой лавтой, надвотой через плечо по сароу армку, и Хоплуша, рымобородый, с шарым савриющими глазами, с вырванным ноздрям и клыками на щеках и на лбу. Подает Сусанина в оверу Говкин тома не одиночек. Он есть высшее выражение того всенародного подвига, который возглавляют Кузнец Минин и Дмитрий Пожарский. Сабинин — ирравачный зять Ивана Сусанина, отряд которого движется на соединение с Мининым, Вана, прискакавший к воротам монастыря, чтобы оповестить русских войско о подвиге полка, толпа на Красной площади в Москве, торжествующая и славящая под зов колоколов победу над врагом — это и есть тот народ, который порождает героев и во имя которого свершил свой подвиг Сусанин.

А. М. Горький подсчитал как-то, что в 1830-е годы крестьянские восстания вспыхивали то в одной, то в другой губернии николаевской России в среднем через каждые двадцать дней. Это клонотация народного гнева отозвалась в творчестве великих народных поэтов, породила не только «Капитанскую дочку», «Дубровского» и «Евдokia» — правды отличны не восстания; с 1830-х годов оно определяло весь путь русской литературы и искусства — Чернышевского, Льва Толстого, Щедрина, Тургенева, «капитанской дочке», «Бориса», «Песня про купца Калашникова», «Иван Сусанин» — это произведение о судьбе народа, это — прославление народа, это — явление народу свободы.

Волпация революционно-демократическая идея в поэме «Коня на Руси жить хороше», а «Запорожца», и народная музыкальная драма «Борис Годунов», превалим Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Глинки — Некрасов, Репина, Мусоргский — еще дальше пошли в изображении исторической активности народа — героя русского искусства и русской литературы.

ТАРАС БУЛЬБА. Литография Е. Икнрина.

Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит свозь леса и горы полные воды саон. Ни зашелестит, ни прогложится. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, рвет и вытекает по зеленому миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибрежные леса крико отсвечивать в водах. Зелено-кудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не нагибаются, и не налюбовуются светлым своим зрачком, и усмехаются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середине же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает, и человек, и зверь, и птица; а бог один величаво озирает небо и землю, и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром, и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в темном лоне своем. Ни одна не убежит от него; разве погаснет на небе. Черный лес, унизанный спящими воронами, и древле разломанные горы, свесясь, снытся закрыть его хотя длиною тенью своею — напрасно! Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий, синий ходит он плавным разливом и среди ночи, как середь дня, виден за столько вдали, за сколько близке может человеческое око. Нежась и прижимаясь к берегам от ночного холода, двет он по себе серебряную струю; и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул. Чуден и тогда Днепр, и нет реки, равной ему в мире! Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат, и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали. Так убивается старая мать козака, выпроживая своего сына в войско. Разгульный и бодрый, едет он на воронном коне, подбоченный и молодецки заломив шапку; а она, рыдая, бежит за ним, хватая его за стремя, ловит удил и ломает над ним руки и заливаются горячими слезами.

«Страшная мось».

Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу¹. Бедно, разбросанно и непрочно к тебе; не развелезал, не испугот звороз дерзкие дива природы, вечнонные держимки дивными искусства—города с многокопными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и плещи, вросшие в домы, в шум и вечной пыли водопадов; не опроркнотся назад голова посмотора на громоздящихся без конца над нью в в-вышние каменные глыбы; не блеснут свозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сумками, плещами и несметными миллионными диких роз, не блеснут свозь них вдали вечные динии сияющих роз, не блеснут в серебранные, аские небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как топки, как знамки, неприметно торчат среди равнин нависшие твои города: ничто на обольстит и не очарует звора. Но какава же непостижимая, тайная сила влечет к тебе! Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоих тоскливая, несущаяся по

всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песка? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает, и хватает за сердце! Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и вытос около моего сердца! Русь! чего же ты хочешь от меня! Какая непостижимая связь тантса между нами! Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратно на меня полные ожидания очии! И еще, полный недоумения, неподачию стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грудащими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор! Здесь ли, в тебе ли не родится беспредельной мысли, когда ты сама без конца! Здесь ли не быт богатырю, когда есть место, где развирнуться и пройтись аму! И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силу отразил во глубине мой; неестественной властью осветились мои очии... У, какава свержающая, чудная, незнакомаа земле дая! Русь!..

«Мертвые души».

И каковой же русский не любит быстрой езды! Его ли душе, стремящейся закружиться, загудеть, сказать иногда: «чорт побери все!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждо? Какими, неведомая сила подхватывает тебя на крыло к себе, и сам летчишь, и все летчишь: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обанх сторон лес с темными строями елей и сосен, с топориным стуком и вороним криком; летит все дороги неведь куда в пропадающую даль; и что-то страшно заключено в сем быстром мельканьи, где не успеваешь означить пропадающий предмет, только небо над головою да легкие тучи, да продирающийся месяц, один кактус неведь южны. Эх, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, — в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гляднем разметывать на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи. И не хитрый, какава, дорожный снаряд, не железный свачен винтом, а внаско-ро живьем, с одним топором да доломом, снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немелки ботфорты ямщик: борода да рукавицы, и сидит чорт знает на чем; а привстал, да замаялся, да затянул песню — кони вихрем, сплцы в козлах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход, — и вон она понеслась, понеслась, понеслась! И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая несбоянная тройка, несешь! Дымом дышит под тобою дорога, гремят колеса, все отстает и отстает позади. Остановился пораженный бойким чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что-значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях! Эх, кони, кони, — что за кони! Вспарили сидят в ваших гривах! Чутное ли ухо горит во аскари вшей жилие? Засыпили с ашинами знаковую песню — дружно и разом нагряли медные груди и, почти не трону копытами землю, превратились в один вытянутые линии, летящие по воздуху; и мчитса, все аждовоенная богом! Русь, куда ж несешься ты! дай ответ!.. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчики; гремят и становятся ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постороняются и дают ей дорогу другие народы и государства.

«Мертвые души».

¹ Писано в Риме.

ГОГОЛЬ И ШЕВЧЕНКО

Шевченко в одном из своих стихотворений, посвященных Гоголю, называет автора «Мартавы души своего величия другом». Речь идет не о дружбе в прямом, житейском смысле: такой дружбы между Шевченко и Гоголем не было. Не было даже приятельских отношений, даже личного знакомства. Какой же смысл вкладывает поэт в свое определение: великий друг?

Читаем замечательную запись в «Дневнике» Шевченко (1857—1858 годы): «Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш басматный Гоголь! Какою радостью воздавалась бы благодарная душа твоя, увидя вокруг себя величайших учеников своих. Друг мой, искренне мой! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, оскорбленную чернь! За этого поруганного бессловесного сивердаль!»

Из этих слов ясно видно, что Шевченко со своим самобытным и проницательным умом, отчетливо понимал громадное общественное значение гоголевского творчества. Салтыков — ученик Гоголя. Поэт говорит это прямо. Автор «Смерти» и «Кавказца» считал величайшей заслугой русских писателей общепринятый характер на произведений.

В другом месте «Дневника» Тарас Григорьевич пишет: «Мне кажется, что для нашего времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходимо сатира, только сатира унылая, благородная. Такая, например, как «Женщина Федотова» или «Свои люди — сочтемся» Островского и «Ревизора» Гоголя».

Здесь любимою самою сопоставление имен: Федотов, Островский, Гоголь.

В уже упомянутом стихотворении «За думою думу ромм виждь» Шевченко говорит: Ты смейся, а я плачу. Великий мій друже. «Ты смейся, а я плачу. Конечно же, и Шевченко не чужд был смеху — иногда легкой, добродушной, юмористической (в повестях), а чаще гневный, саркастический, сатирический («Кавказ», «Сон», «Полтава», «П. С.», те же повести и т. д.). Разумеется, и Гоголь поднимался на вершины героического пафоса («Тарас Бульба», знаменитая трагедия в «Мертвые души» и т. д.), и у него есть страницы, полные шипящей тоски, плача. И все же формула Шевченко — ты смейся, а я плачу, — оправдывается творчеством одного писателя, как обоим, смехом и слезами.

На упрек, почему в «Ревизоре» нет ни одного положительного, благородного лица, Гоголь отвечал, что такое лицо в комедии есть. Это

и так известно, «Дневник» свой Шевченко вел на русском языке. — И. Р.

Портрет Н. В. Гоголя, приписываемый Т. Г. Шевченко.

лицо — смех. Гоголь понимал силу смеха, этого грозного оружия в его гениальных руках. Понимал, что и не до конца.

Шевченко понимал, что и его плача и гоголевский смех делают одно и то же дело: под корень рубят дерево самодержавия и крепостничества.

Низкокому сомнению не подлежит огромное благотворное влияние на Шевченко передовой русской культуры, передовой русской общественности. Поэт благоговейно чтит память первых русских благотворителей свободы — декабристов, — что отразилось и в его творчестве (поэмы «Сон» и «Нефрит»). Он жаждою с восторгом читал статьи Герцена, которого называл «апостол наш, наш одинокий изгнанный». Дружба с Чарнышевским и Добролюбовым одала последние годы его жизни, укрепля и углубля революционное его мировоззрение. В «Дневнике», в повестях мы то и дело встречаем цитаты из Пушкина, Грибоедова, Лермонтова. Общественная трагическая дружба поэта со Щепкиным, который имел смелость называть своим другом и Пушкина и Гоголя. И все же имя Гоголя Шевченко произносил с каким-то особым трепетом, и оправдание великий друг было глубоко продуктивным.

Гоголь для Шевченко был непревзойденным авторитетом в эстетических вопросах. Именно на имени Гоголя ссылается он, позволяя себе не соглашаться в некоторых вопросах со своим любимым учителем — Бродским. Совершенно скрывается Шевченко с Гоголем и в высокой оценке народного творчества, украинский песен и дух, отзывчивость которых полны «вечной

уторе близ Днячньон» и повесть «Тарас Бульба», диктаном которых напоен «Кобзарь».

«Жизнь моя! Песни!» — воскликнула однажды Гоголь. «Наша дума, наша песня на вырве, не загнана, — с непоколебимой верой в народ и его светлое будущее звали Шевченко.

«Кобзарь» — книга великой простоты. Простота была креветугольным камнем эстетике Гоголя. В «Предисловии» для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора», Гоголь призывает авторов «много и простоте, и благородности сдержанности. Неискусство, вышедшее из «Мертвые души» Шевченко и смех Гоголя имеют много точек соприкосновения. Главная из них — жизненная правда.

Двух великих сынов родила Украина. Один из них вместе с Пушкиным — столп у истоков новой русской литературы, самым великим, самой передовой литературы в мире. Другой — своим гением и своим творчеством — прочное основание литературе украинской, растущей в тесном единении и братстве с русской литературой. Память их бессмертна.

М. РЫЛСКИЙ

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее: с середины неба глядит месяц; необъятный небесный свод раздвинулся, раздвинулся еще необъятнее; горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон жизни, и дышит океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недалеко, вдыхающего стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темнотеленные стены садов. Девственные кущи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьям, будто сердясь и негодуя, когда прекрасные ветренки — ночной ветер, подхваченный мгновенно, целует их. Весь ландшафт

спит. А сверху все дышит; все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского солёва, и чудится, что и месяц заслушался его посреди неба... Как очарованное, дремлет на возвышенном село. Еще белее, еще лучше блестит при месяце толпы хат; еще ослепительнее вырезываются из мрака низкие их стены. Песни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спят. Где-где только светятся узенькие окна. Перед порогами мных только хат запоздала семья — свершает свой поздний ужин.

«Майская ночь, или утопленница».

А. М. Калешников.

«СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАКА» (Детская)

А. Лантов. Иллюстрации к «Мертвым душам»

В ворота гостиницы губернского города XX в начале рескорна бри-ка

Полицеймейстер навелся в лавку, как в собственную кладовую

СЛОВО РАЗЯЩЕЕ

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Сто лет минуло со дня смерти великого русского писателя, в память безвременно над его гениальными творениями. На побывали краски на его картинах нравов и типов, зато только в музеях можно найти обветшавшие одежды, в которых ходили герои «Евгения» и «Мертвых душ». Более того, можно сказать, вся глубина гоголевского сатирического смеха обжуривается пред нами полнее, шире, чем перед его современниками.

Мы понимаем, почему такой злобный шум был поднят в ревизионной литературе, когда впервые предстали перед миром чудовищные образы Собакевича и Ноздрева, Чичикова и Хвастюкова. Половой, Севославский, Шавыра и иные кричали, что это это это, послышав на Россию, на русский народ, что такая уродина и не может быть. Этот шум возникла и позже — каждый раз, когда очередная годовщина ставила Гоголя в центре литературного внимания, и хотя он был уже официально признан великим русским писателем, вошел в школьные учебники, но незнания часть русской буржуазной критики и публицистики не могла скрыть своего раздражения и своего страха перед обличающей силой гоголевской сатиры.

Устами кадетского философа Маревского-Смог, черносотенца Розанова, ревнителей из «Веха» он осмыслил Гоголя проклятием, отпавшим от него в бурлесковом смысле этого слова, как от «черта», от «квасного духа», как от одного из тех, кто пробуждал в русском народе дух революции.

Появление и Севославские были убеждены, что «Евгения» и «Мертвые души» — это только «смешливые» произведения, фарсы и анекдоты, что люди посмеются над ними и забудут. Маревский и Розанов не могли забыть себя темным наложником. Они признавали гениальность Гоголя, но именно потому считали своим долгом ревизионную борьбу против его сатиры. Это и свидетельствовало о том, что Чичиковы не только раздавали по деревням купцов у Собакевичей мертвые души, а что они также издавали журналы, писали книги, а если сами не владели пером, то имели в своем распоряжении Тривичичиных, которые думают лобом и могут что угодно отгадывать.

Пушкин первый предсказал великое будущее Гоголя, Пушкинский мудрый взор определил ту именно оценки его творчества, которая в народной русской литературной критике падает через Белинского и Чернышевского преимущественно к большевистской критике. Ленин назвал Гоголя писателем, дорогим всякому порядочному человеку на Руси. А по идеям, воплощавшим сатирическое творчество Го-

голя, Ленин поставил его имя в один ряд с именами Белинского и Чернышевского. Гоголь не ошибался, когда предвещал, что «чуждому властью» ему определено еще долго идти об руку с его «странными героями», «осмотреть всю громадно-несущуюся жизнь, озираться во всеобщий видный мир и сжать и нервные, невнятные ему слова».

Коринным образом изменилась жизнь в нашей стране за сто лет после смерти Гоголя. Крепостные души исчезли на Руси уже девятью лет назад, были вскоре после того упразднены гродоричие, но долго еще оставались на Руси Собакевичи и Маниловы. Они стали политическими деятелями, приобрели внешние лосы. Они заседали в Государственной думе! Они давали тон государственной политике. Оставшись крепостниками, они принадлежали к разным политическим партиям. В одном из примечаний ко второму изданию книги «Развитие капитализма в России» Ленин писал о причинах богатства обывательского крестьянства со своих убогих «маделов». В ревизионном мире помещичьих голосов «явственно выдвинулся» два голоса «мало признаны» — утронающие — Румят Черносотенцы Собакевичи. «Недостаточно обеспечены маделом», — внешне поправляет его кадет Манилов.

На только Собакевичи и Маниловы, а почти всю галерею гоголевских сатирических образов мы находим в произведениях Ленина. Меньшевистские редакции «Искры» предстали перед нами в лице Чичикова, Ноздрева, Хвастюкова, Сквозини-Дмухановского и других

Под именем эмпириокритициста Базарова и эмпириокритициста Богданова, оказавшись, выступили против марксизма Бобчинский и Добчинский...

Так обнаруживается великая жизненная сила гоголевской сатиры. Она помогает вскрыть классовый облик явлений и типов, она срывает внешнюю похвалу с как будто совсем новых персонажей и показывает их подлинный характер. Она изобличает ничтожность людей, которые пытаются придать себе серьезный вид, она заставляет смеяться над чинами, пустыми людьми великого и сенового ранга.

Собакевичи, Чичиковы, Ноздревы неотделимы от своего помещичьего-капиталистического естества. Они роняли общественным строем, в котором называя, частнособственническое припробрательство, является основой, смыслом и заданной самого существования. Гоголь называет Чичикова припробрательством. Его лютый, мощничество — это произведение от черты основной, от припробрательства. И это же надо сказать почти обо всех персонажах «Евгения» и «Мертвых душ», даже о тех, кто припробрательство тут не припробрательство.

В нашей стране социалистическая революция немощно уничтожила общественный строй, основанный на наживе, на частнособственническом припробрательстве, на луту и обмане. Собакевичи, Чичиковы, Плюшкины ликвидированы в нашей стране как класс. Они ничего не могут припробрательство, — значит, не могут существовать. Их исторический срок пришел и прошел.

В губернской канцелярии

ИЩЕНКОМ ТОН ПОСЫЛАЕТ ИЩЕНКОМ ТОН
на выставку

Гоголь это предвещал. Свое предвещание о том, что ему определено еще долгое время идти об руку со своими странными героями, он сопровождает видением, звучащим, как пророчество. Он писал: «И далеко еще то время, когда этим ключом грозная выгода злодеяния поднимается на обманчивой в святой умах и блестящей главы, и почтуют в смущенном трепете величавый друг других людей». Это время «других людей» не могло не казаться Гоголю бесконечно долгим, и обманчивая он свое смутное видение в формы архаичского лафеса, но ведь раздвигая того стража, который был наведен на Чичикова прошлого века «Мертвыми душами», заключаются в наде обреченности всего мирного царства насилием, обмане и несправедливости. Смысл Гоголя был приговором этому царству.

В Советской стране исчезли Собакевичи как класс, как тип. Остались лишь их пережитки. Но сами они еще полностью сохранились, живут, апострофируют всюду, где господствует капиталистической строй, где насилие, частнособственническая прибыль остаются святыми господствующей морали.

Долго ли искать там современных Собакевичей? Да они сами себе заявляют ежедневно, громко и не стесняясь. Вот пример недавний. Не далее как 16 января нынешнего года в конгресс США было внесено предложение члена палаты представителей Шенка о создании специального комитета из пяти сенаторов и пяти членов палаты представителей для изучения возможности аннексии Канады Соединенными Штатами или покупки Канады у Англии.

Кто он, этот Шенк? Империалист, конечно.

Равноценный, несомненно. Наглый, понахули. Но все эти определения напомним. Тотчас всего, Шенк — Собакевич. Нельзя назвать его более определенно. В его личности выражается наиболее ярко существующая черта сатирического образа, созданного Гоголем.

Вспомним, Собакевич поразила Чичикова своей полнотой и даже неослабной готовностью торговать мертвыми душами. Все прочее помещик полюбил, недоуздывая, сомневаясь: можно ли считать мертвые души товаром? У Собакевича никаких сомнений. Он не только мучил, торговал, мучил, он человек, который в насилие ни перед чем не останавливается. Будь во власти Собакевича государство, народ, он продал бы свое государство или купил бы чужое государство, как покупал или продавал крепостные души, живые и мертвые. У Гоголя Собакевич — только уездный помещик, аналитическая своя котичина. Но перенесите его в обстановку империалистической политики, посидите его среди американских сенаторов и членов палаты представителей, и в этой обстановке еще полнее раскрываются черты сатирического персонажа.

Современный Собакевич, как и его «прототип», не задается вопросами о независимости государства, о национальном достоинстве народа. Ему и в голову не приходит мысль о том, что народ Канады может и не позволять быть проданным. Он и раскрывает в американском государстве явление дикого крепостничества, а также приобретателя, готового и на прямой разбой, но аннексия, если англичане Глошники не позволяют продать в американское рабство канадский народ. И только потому этот Собакевич может извести в парламент свой законопроект, что рядом с ним заседает торговец, продают также как законодателя Чичикова, Молдвеев, Сивозина-Душесовских, Держимогоры.

Сатрапа Гоголя там и молотил, что направлено не самым основным частнособственнического строя, что будила она вражду к капитализму, воспитывала презрение и ненависть к людям и к строю частнособственнического приобретательства и подлой наживы, что обманчива, зло высмеивала, морально уничтожала нравы господствующих в эксплуататорском обществе классов. И тем самым она имела и имеет международный характер, хотя и была создана русским гением, на русской исторической почве, из русского помещичье-капиталистического быта.

Мировой характер гоголевской сатиры был с самого начала отмечен русской пародической критикой. Белинский писал о буржуазных французских политических деятелях: «Те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не спускают мертвых душ, и подкупают живые души на свободных парламентских выборах». Парламентский мразьёв образованного какого-нибудь мразьёв нижнего звянского суда: но в сущности оба они не лучше друг друга».

Чернышевский дал наиболее образную характеристику западноевропейской буржуазной публицистике, призывавшей гоголевские сатириче-

ские персонажи. Он писал о французских газетах: «Плещутся они отчасти французскими Маниловыми, отчасти французскими Чичиковыми, потому что... во Франции, как и повсюду, есть свои Маниловы и Чичиковы». Впрочем, и немцы Маниловы фабрикует подобные книжки и статьи в изрядном количестве и качестве, потому что Германия, довольно скудная Чичиковыми, привозит их из Англии. Переводятся и переделываются они там же и в Англии, но в меньшем количестве, потому что англичане мало расположены и многолюбивы, как народ сузой, а Чичиковы там заняты биржевыми и фабричными предпринимательствами с особой силой раскрывается мировое значение всего творчества Гоголя. По уничтожающей силе своего смеха он стоит в одном ряду с корифеями мировой сатиры, с Рабле и Свифтом. Смысл гениальнейшего предшественника Гоголя содействовал разрушению реакционных нравов феодального общества. Гениальная сатира Гоголя резит и собственнические мораль капиталистического строя.

Мы на сдвину в армию сатиры Гоголя и в нашей стране, ликвидировавшей капитализм и победою идущая вперед от социализма к коммунизму. Сатира есть нужна нам в борьбе с пережитками капитализма и с созданием людей, где нужна как средство коммунистического воспитания советских людей.

Все творчество Гоголя остается для нас неисчерпаемым источником литературно-художественного обогащения нашего, замечательной школой эстетически-реалистического вкуса, драгоценной сокровищницей русского поэтического мастерства, живого и меткого русского слова.

Пусть и нет Собакевича в нашей стране в его натуральном виде, есть еще «превращенки» из XVIII съезда ВКП(б) как о людях, всем недостоинных, всеядных бражниках, как о сплетниках и клеветниках.

Пусть и нет Маниловых в нашей стране в их натуральном виде, но есть еще люди «неопределенного типа», превращенки Маниловы. О них говорил товарищ Сталин на собрании избирателей Станского избирательного округа Москвы: «...напомним, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифтин».

Но только битое парламентским капитализмом, но и добить и убить не призван гениальный смех Гоголя. Молочная сила заложена в его ненависти и презрении ко всему низкому и пошлему, что выражено в человеческой душе как частнособственнической наживы, насилия человека над человеком, рабства, плутовства, обмана.

Молочная сила заложена в любви Гоголя к своей стране, к своему народу, в его высокой мечте о человеке, подлинно свободном, о человеке-творце. Гоголь с беспощадной резкостью обличал грехи и пороки старой России, он с пророческим вдохновением и патристическою страстью предсказал великое буржуазно-русскому народу, предвещая его ведущую роль в человечестве, борющемся за торжество правды и справедливости.

Чичикова у полковника Поповича

«Ах, Боже мой!»

вспрыгнул женья. Ленинград. — он вам испортит весь фильм»

Перечитывая «Мертвые души»...

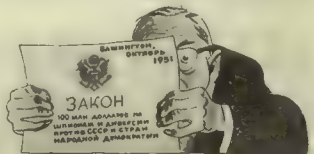
Рисунки Боря ЕФИМОВА

«Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значатся бы по реванши, как живые...»

«...таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиономию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два, три человека...»

«Первый разбойник в мире! Дайте ему только нож, да выпустите на большую дорогу, зарежет, за копейку зарежет!»

«Зная привычку его наступать на ноги, он очень осторожно передвигал своим...»

«Вот границы!», сказал Молочка: «всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже по ту сторону, всё это мое, который вон синее, и всё, что за лесом всё мое».

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Д. НИКУЛИН

Покрепче закутавшись в плащ, Николай Васильевич Гоголь бродил по Невскому проспекту — главной улице Российской империи. Он проходил мимо дворцов, мимо витрин французских модных салонов и мимо лавок кондитерских... «Я всегда закутавшись покрепче плащом своим, когда иду по ней, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Все обман, все мечта, все не то, чем кажутся».

По улице-красавице мчались чугунные дрожки, кареты с фойерторами, пронзительно звенящими одну ноту... Лавки — «верейки» На гранитных тротуарах Невского происходило вечное гулянье, здесь единственное место, где показывались люди не по не-

обходимости, куда не затаила их надобность и маркитантский интригер, обмывавший весь Петербург».

Засадагами Невского — это флангирующие столичные франты, офицеры с гравирами во тротуарах, собиравшие в залах вице-консулы, чаевные отцы семейств и молодые люди, «эвон-малошеские прогуляки, чтением газет по кондитерским, словом, болельщики все породающие люди» — с уничтожающей силой писал великий русский сатирик.

Все подмечала острый глаз писателя. И то, что на Невском «выстратите усы худые, никаньи паром, никакое кистью невообра-

зующие половецкие жизни — предмет долгих бдений во время дня и ночи... усы, которыми заворачивают на ночь тонкое завязывающее бумажное, усы, и которым дышит самая трогательная привязанность из пососоров и которыми замануто прохладитель».

Все это видел Гоголь, наблюдал «всеобщую коммунистическую Петербурга» и совершающуюся на ней в течение суток «фантазматорию», и все это с одним серьезным опасением в повести «Невский проспект».

Бездальности, границе мостовые Невского, были только навьюченными, грязной ливней столицей. В глубине столичного бытия рождались течения, разрывавшие устои придворного и чиновничьего Петербурга.

В истории этого города, его улиц и площадей есть грозные, неразбываемые страницы.

14 декабря 1825 года. Со свечей конца Петербурга зорко стекались в Свободный площадь, где впервые в России революционеры из дворян восстали против царизма.

1839 год. Петербургские литераторы встречали на Невском проспекте известного литературного Москвы великого русского критика Виссариона Григорьевича Белинского. А поэзия здесь, на Невском, читатели «Современника», студентки восторженно приветствовали Чернышевского и Добролюбова.

6 декабря 1876 года. Впервые запылился на Невском красное знамя в день плакатной демонстрации у Казанского собора — первой революционной рабочей демонстрации в России.

1893 год. Молодой, 23-летний Владимир Ильич Ульянов приехал в Петербург. Вступил на Знаменскую площадь (теперь площадь Восстания), он впервые окинул взглядом величественную перспективу Невского.

Наступил 1905 год. 9 января по Невскому двинулся народ. Тысячные толпы, обтекая громадные здания Главного штаба, шли и

знаменному дворцу, где на астральном рулевыми залпами

У великого города на Неве свозачная, немеркнущая слава. Она оставила неизгладимые пятна на главной улице. По Невскому проспекту проходила быстрая поездкой Владимир Ильич Ленин, по Невскому проходил молодой Сталин. Два генерала революции, обман город своим величием, блестящим настоящим и лучезарным будущим. Ленин и Сталин, большие изменили судьбу этого города.

Невский помнит бурные народные манифестации 1917 года. Здесь с оружием в руках прошли красные гвардейцы-путиловцы, отряды моряков революционного Балтийского флота. Петроград стал колыбелью Великой Октябрьской социалистической революции. По заслугам он называется Ленинградом, городом Ленина.

В годы сталинских пятилеток Ленинград стал арсеналом социалистической индустриализации. Отсюда нескончаемым потоком шли на новостройки машины, станки. Это город «дожженного труда». Ленинградцы умеют работать и умеют отдыхать. В часы досуга Невский проспект заполняет рабочая молодежь, это любимое место прогулок при «блеске безудельного балах ночей».

Создательный труд, мирную жизнь Ленинграда внезапно прервала война. У стен Ленинграда были основаны фашистские полчища.

В стуровую военную зиму на Невском не убирали снег. Витрины магазинов были забиты досками. По пустынной проспекту проходили танки. Надлились на стенах домов предупреждения, что эта сторона проспекта наиболее опасна при артиллерийском обстреле.

Город-герой, выдержавший бесприморно длительную осаду, еще в долгу равенств стал готовиться к восстановлению, к мирной труду. В 1943 году в Ленинграде было создано равновесное училище для подготовки лепщиков, позолотчиков и мастеров художественной

Вид Невского проспекта с Пискаревки. Мосты и здания XIX века. Со стадиона и стадиона.

Под Палатом от Гостинице двора
и наши дни
Фото И. Фетисова

восьмисот крупных и мелких пробои.

Еще красивее, чем в довоенные годы, стал Невский. Сняты трамвайные рельсы, шире стали тротуары. Восстановлены лепка и скульптурные украшения на всех зданиях.

На площади Восстания у Московского вокзала разбит сивер. А сам вокзал недавно реконструирован и является теперь одним из красивейших в стране. Его центральный зал значительно расширен и богато украшен скульп-

Но вернемся к повести Гоголя «Невский проспект», к тому Петербургу, который по утрам был пуст и лишь чинашными старухами в изодранной плетке и сапогах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих, к тому Невскому, на котором по утрам «...иногда сонный чинашник проплывал с портфелем под мышкой, если через Невский проспект легит ему дорога в департамент».

Сегодняшний Невский проспект особенно оживлен в утренние часы, когда начинается трудовой день огромного города. Здесь у остановок автобусов и троллейбусов видны рабочие заводов имени Ленина, имени Сталина, имени Кирова, «Красного выборжца», видны новые жильцы бывших барских квартир Невского про-

спета
 ст 12 часов на Невский про-
 спект делают набеги гувернеры
 всех наций с своими питомцами и
 батистовы воротнички. Англий-
 ские Диконсы и французские Коки
 идут под-руку с сверстными и
 родительскому попечению питом-
 цам... Гувернантки, бедные мы-
 сы и розовые славянки идут вели-
 чаво позади своих являньки, вер-
 тлявые девишечки.

На Невском проспекте наши-
дней на увидишь больше «гувер-
неров всех наций», но здесь все-
гда много детей. Гуляют школь-
ники, нахлебники, гуляют парам
воспитанными детскими садов. Осо-
бенно много юных ленинградцев
у Аничкова моста. Там, в величе-
ственном дворце, бывшей резиден-
ции Александра III, пятнадцатю
лет назад был открыт самый боль-
шой в стране Дворец пионеров.

Во Дворце работают семьсот кружков и студий. Дворец за последний год посетили миллион двести тысяч ребят.

На Невском прослелите позеде
Екатерининского свекра возмаше
шесть строгий фасад бывшего
Александринского театра — ныне
Театра имени Пушкина. Здесь 111
лет изнад был поставлен «Евгений
Озоре»; а юбилейный дзям воз-
обновилел постановка этой
бессмертной комедии. Рядом с
театром находится Публичная би-
блиотека имени Салтыкова-Щед-
рина, где трелится десятъ милли-

Против Екатерининского сада мы видим Дом научно-технической пропаганды с библейской технической книгой, лабораториями и современным действующим моделью машины. В этом большом доме размещены постоянная промышленная выставка; на ней представлено все, чем так славен город Ленинград: образцы совершеннейших станков, прибо-

рою, ставшая техникой, импрессионизма с берегов Навы на берега Волги. Днепра, Аму-Дарыи.

Встретили в этом доме и профессора Ю. Б. Баймакова — он читал лекцию о защитных покрытиях материалов химическим способом — и тогда же Станиславом Яковлевичем завод имени Ильича Н. Н. Васильев — он пришел поздравить друзей со своим опытом скоростного точения резцами из керамических пластинками. Много злитых новаторов производство — винилитеры, керамические резцы, резцы — выстулялось здесь с трубами, де-

На углу Мясковского и канала Грибоедова Дом книги, где ежедневно бывает до тридцати тысяч человек. У книжных витрин всегда оживленно.

Вечером, когда только сумерки упадут на дома и улицы, и будочки, накрывшись рогожей, аска-

Когда главный диспетчер Ленинэнерго включает рубильник, вспыхивают лампы на высоких мачтах, установленных вдоль Невского. Как ни сто с лишним лет назад здесь начиналась гавань, только

теперь проспектом владеет народ, а не питерские щеголяк, чиновники, господа иностранцы.

Невский — улица восьми кино-театров. Тут находятся дома работников искусств и кинематографии.

Невский — популярному «свободящему коммунистическому» городу. Как и раньше, на проспекте происходит много встреч... Народный артист Союза ССР Н. Черкасов беседует на углу улицы Горького со знаменитым разметчиком «Красного выбора» Г. Дубининым. У них есть общие темы для разговора — общие члены Советского комитета защиты мира

«Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившиеся перед строением церковью, судят по архитектуре ее, — совсем нет, они говорят о том, как странно сели две вороны одна против дру-

«О, не верьте этому Невскому проспекту... Он живет во всякое время...» — восклицал Гоголь.

Всегда правдив и искренен наш
Новский проспект Ленинграда —
зеркало города-героя, городе-тру-
женника, городе новаторов!

EKT

отделки зданий. Когда кончилась война, Невский внешне был так же прекрасен, как в дни мира. Но только внешне.

Много разрушений было в домах и внутри дворов. Советское правительство, Центральный Комитет большевистской партии, товарищ Сталин помогли ленинградцам быстро залечить раны военного времени.

Вид Невыского проспекта от Александровского моста в начале XIX века
по рисунку с гравюры К. Гаммельна

Вид Петербурга проспекта от Аничкова моста в наши дни

Среди них — немцы, пытающиеся в Дикяньке спрятаться. «Сорочинская ярмарка» и неограниченный садоводческий дикяньковский политехнический Дом культуры

ПОТОМКИ ЕГО ГЕРОЕВ

Федор КРАВЧЕНКО

Фото М. Савина

Кузнец и скульптор

Попав в Дикяньку, савинка человека невольно оглядывается по сторонам, как бы ожидая, что выскочит из какой-нибудь куста сердитая Хищра, преследующая подвыпившего Солопия Чаревича. А то, чего доброго, и кузнец Вакула позвонит.

Чтоб ничего не наоралось, выезжайте в Дикяньку не по старому шляху, где еще встречаются шестиперые ветрики, а по шоссе, что введет из Полтавы в Опшину. Там ходят новые автобусы «ЗИС».

В автобусах вы увидите румянощечки колохозниц, возущих на базар кур и/или уток, пылавшие семечки или ночные яблоки. Они отыскили от затянутого путешествия не волах. И даже птицы в их корзинах ведут себя прилично, словно понимают, что едут не на возу, а в комфортабельной машине. Лишь изредка клевая-нибудь

не очень воспитанная курица вытравляет голову, чтобы клюнуть в соседней корзине заманчивое белое семечко.

Автобус мчится мимо загороженного светом озера. И вот уже далеко позади остаются не только дома Полтавы, но и каменные столбы и Швабская могила — следы славной полтавской битвы. Не успеете подумать о знаменитых местах, как вдруг машина останавливается, и перед вами дорожным указателем с четко выписанным словом «Дикянька».

До чего же оно красиво, это село! Даже в зимнее время! Чудесная «серебряная» белуха, где весной не только дикяньковцы, но и полтавчане празднуют «День цветов», слегка шумит оголенными ветвями. Нет майского вранья, а все же чалы-глаз оторвать от этих удивительных зарослей сирени, за которыми блещит замерзший пруд. Здесь растут и великаны-дубы. Гордо возвышающиеся они над дорогой, простыря в все стороны щедро облепленные савинки светом ветви

Однako еще приятнее глядеть на двухэтажные городские дома милой Дикяньки.

В дни войны дикяньковцы сожгли село, но дикяньковцы восстановили его да еще краше сделали. Вот выдвигается большое кирпичное здание районной больницы. А дальше, вдоль улицы, расположились и средняя школа, и чайная с гостиницей на втором этаже, и огромный Дом культуры с белой колоннадой, о котором дикяньковцы в шутку говорят: «В точности, как Большой театр, не звать только коней на фронтоне». В законномом свертке вращается памятник Ленину. Еще дальше — за районным исполкомом — красуется дикяньковский университет. Не зная дома, едва можно увидеть подобный магазин. Стоит переступить порог, и глаза разбегаются, как на самой заселой ярмарке. Да что так ярмарке! В одном помещении найдете все, и посуду, и обувь, и детские игрушки, и одежду, и мебель... Все-то наперевес, как на самой ярмарке! А сколько флаконов с духами и одеколоном! И ни тутовою, ни крики Колохозниц деловито выбирают нужные им товары, примирают в специальной кабинке одежду, опачивают чаши и с порядочным грузом уходят из магазина. Слвно поребатели они летом и делают теперь закупки, не утруждая себя поездкой в Сорочинцы.

Заго Сорочинцы неожиданно оказались в Дикяньке, в районном Доме культуры.

Вот афиша 1952 года в районном Доме культуры состоит из слепящих, посвященных 100-летию со дня смерти М. В. Гоголя, «Сорочинская ярмарка», пьеса М. Стержского по мотивам повестей Гоголя «Вечера на хуторе близ Дикяньки».

Постановка художественного руководителя М. Заславского, декорации И. Юзменко, костюмы Е. Гармиз, музыкальное оформление М. Кутяка.

Никто тут не удивляется, что городской режиссер поставил спектакль в Дикяньке. Давно уже сюда приезжают из Полтавы на пачках, которых так вдов выискивал Рудый Пейлод, а советские культурные деятели.

Заславский — приезжий человек. Художник Юзменко и музыкант Кутяка — дикяньковцы. Музыкант — молодой человек, сын колхозного кузнеца. Он в средней школе учился, в Советской Армии служил, был массовиком. А вот Иван Юзменко 57 лет. Он столяр и маляр, работает в МТС. Около двадцати лет Юз-

Кузнецкий скульптор Леонид Ильич у памятника М. В. Гоголю

много пьют декорации. Далеко поставлено, как в настоящих театрах. Если вы удивитесь, дирижеры скажут с легкой улыбкой:

— Что же тут такого? Кузнец Вакула в каюте Крайя жил, и тот росвал. У нас кузнецы и художники не вымодают. Слышали про Носа? Нет! А про Ильченка? Э, да ведь вы же совсем не знаете наших людей...

Наступает, впрочем, и со всех уличек к центру стекающих праздничных зрители. Идут они мимо новеньких, белоснежных домов с красными черепичными крышами, мимо нудных — да еще в ангаре — садов, мимо пестрой, как ярмарка, районной сельскохозяйственной выставки

В зале уже играет струнный оркестр. Шестьсот человек, нимало не меньше, сели на свои места согласно купленным билетам. Вилланы билетер предлагает напечатанную в местной типографии программу

— Пожалуйста, всего двадцать копеек

Распознали занавес, и вы погружались в прошлое — в тридцатые годы девятинадцатого века. На сцене Великие Сорочинцы, знакомые герои головаскистых повестей

Какие яркие рубашки и плахты на девушке! Какие широченные шаровары на парубки!

Следа за тем, как чья-то помогает парубку Гринку жиниться на красивой Параске и проучить свекровью Хирию, вы и не подумаете, что перед вами самодельный коллектив. Вы, в сущности, смотрите спектакль профессионального театра. И вам не приходится в голову, что все эти украинские костюмы собраны у стелу, бережущих их как память у себя в сарайчик

Только во втором акте, когда сцена наполняется шумом и сменой явлений, легко обнаруживается, что это самодеятельность. Ведь здесь много гусей, уток, пестуки, и те, кто принес их, сами играют роли участников сорочинской ярмарки

В четвертом акте на сцене появляется знавая лошадь. Ее крадут у Солопия Червяка. Зритель хохочет, и не только потому, что Солопий... сам у себя кобылу украл... Нет, зрители убого синего самодельного костюма Сиренко микольного коня, который накануне возил дрова. Теперь о нем говорят с лукавым удивлением

Глянь, какой артист!

Это из любви к народу. Но как серьезно вся-таки трудилась режиссер и артисты Коллекционеры Таниса Поцелуево досталось трудней роль кума, и она усердно порывалась над ней. Коллекционеры Иван Кодиен специально знакомились с биографическим очерком, который чья-то поток из Солопия Червяка. Кодиен чья-то спороводила его во время паводка, чтобы уловить характер. А плотник Григорий Андрианов, играющий кума Шубулю, все свободное время просидел над истинными листками в своем уютном домике. Порой он пугал соседей тем, что вдруг чарочку громко начека рассказывать самому себе страшную историю — красной сакля... Навалого было и трагисту Максиму Гавусу, выступавшему в роли Стеся — приятеля Гринко.

Спектакль окончен. Сколько разговоров! Как интересен этот

театральный разъем! И опять вы говорите

— А вы все-таки на нашего кузнеца Носа поглядите!

Иван Федорович Нос не в семье Диньчанке родился. Он жидовоец. Когда-то такой человек мог сказать о себе «Я с затора». Теперь затор называется самим Диньчанкой, а в нем колхоз имени Жданова. Всего двадцать три километра от районного центра. В малом времени, когда можно воспользоваться любовью грузовиков, это уж совсем «близ Диньчанки». Ивану Федоровичу 47 лет. В детстве он пас коров. Одинадцать лет в детстве мальчуган увидел локомотив возле молотильни. Он загорелся мечтанием постронить паровую машину и сматерил в колхозный локомотивный. Потом Иван давал часы его завоини из обыкновенных ходков. Повзрослев, он начал работать в кузнице: давал кровати, чинил шапки и машинки и охотничьи ружья. Работал Нос и на заводе в Полтаве. Там он изобрел шпирозный станок. Если вы заглянете на вышине письменных столов шипы, которые называются «пластичными хвостами», то вам интересно будет узнать, что сделали они с помощью станка кузнеца Ивана Носа.

Теперь Иван Федорович — главный мастер. Работая в колхозе имени Жданова, он сконструировал конную кузурозамалку. Коллекционеры с восхищением отзывались о ней. Зависевши совершенством своей самалки, кузнец сделал ее тракторной, двадцатичерепичной. Чертежи и модель утвердили в Полтаве. Диньчанковская МТС изготовит пробный экземпляр, и после испытаний начнется серийный выпуск кузурозамалки на машиностроительном заводе.

И впервые увидела кузница в конторе МТС. Он знакомая инженеру Вильхельму с юности — чертенок

— Вы же смотрите на меня, как на головаского Вакулу, — сказала мне Иван Федорович, и худое лицо его похрюло морщинами добродушного улыбки, — на того самого, что чорта оседала. Я вот кому технику осваивал. Объяснял конкурсу на лучшую машину для пропашки ясеносов. По секрету скажу: модель у меня уже придумана... Кузнец немедленно рассмеялся, косе кривою глазом на инженеря — Но и профитизировать нельзя. Вы же чертенок, а я вам боловасе. Изобретал, пока не начал у вас за раз заводить. Потом сказал себе: «Сто! Из ничего не выйдет ничего не выйдет... Надо позвать деда, чтобы записать»

Когда мы вышли из конторы, скорот разглядели синею туманную картину. Иван Федорович, в черном небом таинственных чудесных звездах казался ярким завиточным фанером. Настоящие звезды как бы потянулись к нему. Когда мы вышли из конторы, скорот разглядели синею туманную картину. Иван Федорович, в черном небом таинственных чудесных звездах казался ярким завиточным фанером. Настоящие звезды как бы потянулись к нему.

— Такую и чорт не украдет, — пошутил Иван Федорович. — В карман не влезет.

Кузнец Нос не обладает талантом поэта, но у него в познании с тем, что поразило людей своим искусством, как в свое время Вакула поразила «блуждающей пылью» армией. Леонид Харитоненко Иванченко снимает увлечение рисованием, оформляет

Сороч чертенок как гранулы «Диньчанки» в синих столах — диньчанки заступаются. На сцене хор полтавских инженеров Кузурозамалки близ Диньчанки

стенную газету в шпоре. Затем сделал Бурлаев и вдруг обнаружил в себе страсть и лютые. Он выплыл и сам отнял для районной сельскохозяйственной выставки коню скульптуры Веры Мухомовой, причем от себя вложил в руку колокольные своего голубя. Заставив молодого человека продемонстрировать макет памятника Гоголю, когда я вошел в кабинет первого секретаря райкома партии Семана Васильевича Пасечника (Обычные сороч дирижеры!) Иванченко молча повскакивал на столе макет, и все замечал, что фигура Гоголя отличается от знаменитой скульптуры. Пасечник стоял перед нами прямо, во весь рост, с открытым лицом и сияющим взглядом.

Не пощадил против райкома качели строить фундамент под памятник великому земляку...

Колхозники и композитор

На том просто было уехать из Диньчанки. Дирижатор, главный инженер Яков Сидорович Цицальский

попросил взглянуть на стенную газету, выпущенную литературным кружком и столетно со дня смерти Гоголя... Заместитель директора МТС по политчасти Иван Гаврилович Гоголю несколько часов показывал отороченные трактора, комбайны и другие машины. Во время обзора перерыва в слушан, как заведующий мастерской Иван Мочен рассказывал механизаторам о жизни и творчестве Гоголя.

МТС выполняла производственный план за прошлый год на 115 процентов. Никто здесь не знает, что это, но и пройтись мимо такой МТС неудобно. А в конторе имени Панина следовало послушать хор, организованный Марией Романовной Кирилловой. В ее кружке участвуют только опытные колхозники. Но это вам не те лавочки, что поют только на свадьбах — хор в семье Полтава, в областном центре, выступал.

Но ни с чем не сравнить хор села Великие Будячки, которым руководит Сергей Васильевич Романовский. Когда-то Великие Будячки были всего лишь хутором близ Диньчанки, а теперь — огромный село, в котором расположен

Михаил Козлов, Сергей Гоголев, Петр Шабельников, Николай Васильевич

укрученный колоз имени Куйбышева

Богатый колоз! Плавнином скот разводит. А дуга и сяди теля, кто заблудился. И песни и нем есть — 96 ульев. И песенчик — не «рудой» и не Панько, но тоже очень уважаемый человек — шеф-составительный Роман Панин. Но думаете, однако, что это старый человек? В Валентин Будич равняется по Хвире Хвиряк. Ей 92 года, но она еще в кружке художественной самодеятельности участвует.

В будущемском хоре собраны самые лучшие певцы и танцоры. Все сороч человек как гравит — «Девка» с синим столом — звук зашумел. Солнцы в хоре способны: колозница Ульяна Чубенко и колозница Григорий Юшу, агроном Зина Малавская и библиотечка Наталья Городецкая. И еще соприрует заведующий «Сберкассой» Григорий Юшу. Только парней из инд — Васильев, а злот — Степанович. Но если не спугнете, то не беда потому что оба славно поют. Мне

Есть в Миргороде хорошие музы при германской техникуме

пришлось слушать этот хор, когда песни его записывал представитель полтавского радиокомитета.

Да, трудно было уловить из Диканки. Но ведь впервые село Гоголево (Яновщина), Сорочинцы, Миргород, Неман. И мне уже сказали: «Почему же не поехать в Яновщину район? У нас просто себе музыканты, а там настоящий композитор обитает». Чеботарев слышал.

Мы скоро машина очутились в степи. Долго еще вдоль широкой дороги тонули то усадьбы колозников, то сады, то длинные изгороди сучьями деревьев, над которыми с асфальта шумом встали многочисленные клещи, а в рощицах и опять, как между Полтавой и Диканкой, тонули беспрерывные массивы ольхи. Вдруг ослепительно заблестела узенькая речушка, которая, словно дурочка, так извивалась в балках, что трудно было понять, куда же и откуда она течет. Вальс «Идиллия» и села степь то в одном то в другом месте парскались лесопосадки.

Насоздал поавалось Гоголево. Первое, что бросилось в глаза, — это новые постройки. Возле старинной церкви могила родителей Гогова. Никто не может назвать иначе так, что пришел же в порядок после войны. Об этом говорят так: «То мы сделали, колозники».

Секретарь партийной организации Прокопий Никифорович Шабельник позвонил мне с плотником Антоном Лаврентьевичем Популупом и колозником Савой Васильевичем Шабельником. Оба они с большой любовью говорили о Николае Васильевиче Гоголе и посплывались, вспоминая рассказы отцов о том, как помещики Бикос и Гоголев все делали по полям, да так, что по воде «всплывались» пруд, парель от берега до берега.

— Дамуца! — сказала хозяйка-хозяйка тамперентный Популуп. — А вроде культурным считались. Наши багния и собственнически пручили. А мы уже другие выросли. У нас в колозном имении Чалаве дружный народ. Имена и быть не может трактора, земля нашим, машинным обрабатывалась; тут без коллективного духа не прожизнеть. Окупался

Диплом

ты спланили наше село, но мы его из лепла подняли и Гоголевым назвали, потому что Николай Васильевич — дорогой для нас человек. До сих пор из поколения в поколение про него слышишь. В 1909 году, когда отмечали столетие со дня рождения Николая Васильевича, попросили панятины Гоголево Васильевича поехать. А сорочинские мужики — ух, той и ироничный народ — сложились и поставили панятины у себя. И мужья пострали. И получились, так вроде родина Николая Васильевича не у нас в Яновщине, а у них в Сорочинцах.

— Словом, уехали у нас Гоголя, — засмеялся Савва Шабельнич. — И получились только в Сорочинцах его только родили, как в родильном доме знают. Он там и двух месяцев не прожил, а слава его — повсюду — дошла.

Этот разговор в воспоминании, беседе с секретарем Яновского райкома партии Денилином Григорьевичем Калеником.

— Вы смотрели наш родильный дом? — спросил Каленик, улыбаясь. — Обязательно поспомогите. Мы решили на будущее обезопасить себя. Пускай наши женщины в местном родильном доме рождают. Момент будет, еще закон-ник будет, когда повиснет, там теперь уж дураки! Неужо слава не перекрестит.

За этой шуткой все не скрывалось: обиды, так как на Яновщине районе все забывалось. Теперь решено заботиться о перемещении его в Гоголевский район.

Я смотрел яновщину родильный дом. Прекрасно здание! В Яновщине и Дом культуры заметен, и университет, пожелали ни в чем не уступит диканскому.

Но родильный дом, построенный в старинном украинском стиле, больше всего привлекает внимание.

В районе, на реке Псел, строятся межколхозная заготовительная Колозозаботог и строят фундаментальное здание. Есть уже и кирпичные заводы, которые в недалеком будущем должны выпустить до пяти миллионов кирпичей в год.

Занимается кирпичею колозники и зерновыми культурами (сорозы растут у них пышнее «восточнее»), и животноводством, и садоводством садов. В колозном имении Шабельнич есть ферма — там породистые кони-тажиколозозы

выводят. Жаль, что Шабельнич далеко от железнодорожной дороги, а то ведь можно взглянуть на них — и от того кого удовольствия пожелал не «глаголал».

В издании номера областной газеты «Зоря Полтавщини» напечатана заметка о шестом композиторе Николае Чеботареве. В нем говорится: «Наша область — неисчерпаемый родник талантов — и лишь изредка — писал он — в 1951 году у меня родился замысел написать оперетту из колозского материала. Доступно для исполнения кружками худ. молодежи». (И. Демченко) И в 1952 году я планирую посвятить работе над опереттой, часть материалов выношу на более душе — это песни, рожденные нашей жизнью, прекращением советской демократичности.

Увидел его впервые на в уральском кабинете не за пивом и не пивом, а в кабинете юного бумажника, — не сидел на стуле — одной из комнат Дома культуры и в кабинете, доступном Солнцу, созданного им хоре исполняли новые украинские песни.

Он ходил по полям, обдумывая свои произведения, и часто записывал мелодию без инструментов. Три месяца он так выжиливал «Вечную», посвященную товарищу Сталину. Так он создавал «Самодельные» мелодии — пятидесятые песни, которые уже становились народными. Я слышал, как пел его «Полу-полтавчанку» Васеля, озвучил панятины Каленик, он, как и есть «Венчик», зазвучит на сельских свадьбах 8-ми поется.

Тракторист с поклоном чинно Чеботарев вазу дачнику. — Я пряду, хлопотную, на полку-полтавчаночку.

Комбайнер из диканского Ура я пряду, так и тут, — пряду передо мной за собору свои ведуть...

Посмотрели бы эту толпу в исполнении таких хороших колозников, как Мария Берченко, Катерина Белоус, Олена Берченко, Галина Гапусяк, Мария Паламарчук, Петро Овчиненко, Василь Крижурин и Никола Бибик, так, право же, и мы зазвучали бы вместе с ними «падать».

А сам Николай Прокофьевич Чеботарев, скромный и тихий человек — сидит в стуле и, не комплексуя на балю, должно быть, думает: «Погодите, я еще не танов сотворил». Но вслух он этого никогда не скажет. Его песни уже выходят отдельными изданиями, их передают по радио, но поют во многих местах на Украине, но он существует, когда его называют композитором, и гордится только своим хором.

Учился Чеботарев в Домбасе, в Артёмовском музыкальном техникуме, но горчо любил село, колозную жизнь и часто говорит, пробую утопичными в садах Шабельнич.

— Никуда я отсюда не уеду, даже если колозником стану. Он до сих пор еще не верит, что уже стал настоящим композитором — что делало за пределами Шабельнич колозники, говоря о Гоголевском районе, не без гордости подчеркивают.

— Слышал про Чеботарев! Совсем еще молодой, а такие песни пишет, что и безголосому петь хочется. А у нас в колозном зором, как и было в добром саду.

Е. А. Кюфрен.

«ТАРАС БУЛЬБА» (Деталь)

10. E. Knapton

11. E. Knapton

Е. А. Куйбышев.

«ТАРАС БУЛЬБА» (Детский).

ГОЛОДЬ В КИТАЕ

ГЭ БАО-ЦУАНЬ

Шесть дней утродили козлам проселочными дорогами от всех предельных еда выносили кони необыкновенно быстро и сплели козлане. Но Поточный на сей раз был достоин возмущения: по поручению неугомонно преследовал он их и настиг на берегу Диншэ, где бабуля жила для отдыха оставленную развешивающуюся крепость.

Над самым кручем у Диншэ-рэн виднелась она своим обормачиванием явном и своим развешиванием остепененным стеном. Шебем и разбитым киркою усталым был киркою устал, гонимую киркою минутами сорваться и слезать вниз. Тут-то с другой стороны, пришедшая и полно, обступила его коронный гетман Поточный. Четыре дня бились и боролось козлане, отбиваясь кирками и кувалдами. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробился. Был убит козлан, и козлан был, еще раз поразившись, бил им верно быстрые кони, как ядугу сарай самого былого остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала яловка с табакном: не коню, чтобы и яловка досталась явными яловами. И кирка старая ялами и стал отсыпывать в траве свою яловку с табакном, поспешную сползнуть на морат, и не сущее, и в походах, и дома. А тем вражеским набивала ядугу ватаги и свалила его под кирку плечи. Диншэ было он всем членами, но уже не поспелись на звалю, как было предке, свалившие его гайдуку. «Эх, старость, старость!» сказал он, и заплакал добрый старый козлан. Но не старость была виной: сила одолевала силу. Мало на тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась воронка!» кричали яки: «Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собою, лучшею часть воздать. И приступил, с гетманского разрешения, смеч его много в яду вез. Тут же, с колотом много денег, верхнюю козлане резбно горю. Притянул его железными цепями к древесному столу, тогда же прибили ему руки и, приподняв его пошине, чтобы отословил был виден козлан, пригнали к нему расклевывающуюся, дерзкую козлану. Но не на козлане гадая Тарас, не об сине он думал, козлане собравшись, ирва его, гадая, сердечный, в ту сторону, где отстранились козлане: яму с высоты его было видно, как на ларон. «Заманите, хлопцы, заманите, скорее!» кричал он: «Корю, что за лесом: туда на подступит диншэ. Но ветер не диншэ его слова. «Вот пропалут, пропалут не за что!» говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкала Диншэ. Радость беснула в очех его. Он увидел выдвинувшегося из-за стартера четыре козла, собрав все силы голы и зычно зверствуя. К борту и барату, хлопцы, ступились, подгорной дорожкой, что налево. У барага стоят чалы, все забарата, чтобы не было погоняи.

На этот раз ветер дуул с другой стороны, и все слова были услышаны козланом. Но за такую совет достался ему тут же удар отословом по голым козланам, который встал в глотку и в глотку.

Пустились козлане во всю прыть подгорной дорожкой: а уик погоня за плечами. Видят: путеваты и заблудятся дорожке и много дают в сторону извенок. «А, товарищи! на куды пошло!» сказали себе, остановившись на нем, подняли свои наборы, встали: и в тегарские кони, отдавшись от земли, расплывающиеся в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и буйнулин прямо в Диншэ. Двое только не достали до реки, гнулись с вышним об камнях, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козлан уже плыли с конями в реку и отозвались Чену. Остановившись явля над пропастью, динше несмысленно козлану делу и думал: пригнать ли на нем или нет? Один молодой волонник, ирвая, горячая кровь, родной брат прекрасной повелки, обзорно беглого Андрия, не подумав долго, бросился со всех сил с конем за козланом. Перевернулся три раза в воздухе и конем своим и прямо гнулся на острые утеса. В конях изорвали его острые камни, пропавшая пред пропасть, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росино по неровным стенам провала утес.

Когда очнулся Тарас буйство от удара и глукну на Диншэ, у него концы были на чалые и грели вельями: пуги сыпались на них сверху, но не доставали. И испуганный радостные очки у старого яловки.

«Прощайте, товарищи!» кричал он им сверху: «спасибо! явля и будущий же весной приносите сюда явля, что хорошило погубил! Что звал, чортвык явля думаете, асть что-нибудь на свете, чего бы побойсь козлан? Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое лебедь, и гордо горей! И теперь чуют дальние и близкие народы: подымись из русской земли свой царь, и не будят в мире сил, которая бы на похоронилась ему!» А уже очко подымался над кустом, зазывая его ноги, и разостался пламенем по дереву. Да разве найдется на свете такое очко, нук и тава сил, которая бы пересекла русскую силу.

Не малая река Диншэ, и много не ней заволаво, речные густы камыши, отпелые и губокодные нелы, бестич речное зерно, оседевшие бедного Андрия, не подумав долго, бросился со всех сил с конем за козланом. Перевернулся три раза в воздухе и конем своим и прямо гнулся на острые утеса. В конях изорвали его острые камни, пропавшая пред пропасть, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росино по неровным стенам провала утес.

— Тарас Буйла.

Моя великого русского писателя М. В. Гоголя, или ижеца Пушкина, Лермонтова и других замечательных представителей русской классической литературы, очень хорошо известны в Китае. Многие призывали Гоголя переводить на русский язык, и даже ставили наивысшую дилемму: для массы читателей. Многие же предупреждали сказать, что творчество Гоголя оказало огромное влияние на развитие современной китайской литературы. Четырнадцать раз издавался в нашей стране бесчисленная поэма «Мертвые души» в переводе великого китайского писателя Ву Синя, а голосный «Ревизор», который и прежде неоднократно ставился на китайской сцене, прочнее вошел в репертуар современных китайских театров. Прозаический Гоголь пользуется большой любовью широких читателей, который понимает сатиру Гоголя на гнилой помещицкий и чиновничий стон китайской России. Он узнает в ехлесте, чинно выходящих по дорожкам плоских кинжых еще недавно процветавших в гоминдановском Китае Феодалов.

Когда впервые Китай унял Го Гоголя, восторженные кутены еще очень мало. Максимально был извез в 1907 году великий китайский писатель и прозаический «новый китайский литературы Ву Синь, в расклевывающуюся в 1908 году в первом издании XIX века в России повести Го Гоголя, он получил составленную мною, с китайским «Мертвым словом».

Возможно, что было первое знакомство китайских читателей с Гоголем: начиная с 1920-х годов, когда в Китае возникло новое литературное движение, наши читатели начали интересоваться знакомством с произведениями выдающихся представителей западной литературы, в том числе и с произведениями Гоголя.

В начале 1921 года был издан первый перевод голосовского «Ревизора» из «Сборника повестей и рассказов» Го Гоголя. Это была первая книга из серии драматических произведений русских писателей, изданных в Китае. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

Гоголь в Китае

творчества Гоголя, — об этом говорит и название расклевыва в 1933 году Го Гоголя. В то время мои любимыми писателями были русские Н. В. Гоголь и голосный Г. Гоголь. С февраля 1935 года Ву Синь начал переводить «Мертвые души» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя. В том же году в Китае появились первые переводы «Мертвых душ» Го Гоголя.

МЕРТВЫЕ

К истории

В. СТАНИСЛАВСКИЙ,
народный артист СССР

Едва только вышел из-под типографского камня «Мертвые души» Гоголя, как возмужала мысль об их постановке в театре. Первый том гениальной поэмы появился в продаже в мае 1842 года, а уже в сентябре в Александринском театре игрался «Комическая сцена из новой поэмы «Мертвые души» сочинения Гоголя». Был через несколько дней инсценирована эта была поставлена в Москве, в Большом театре, где среди исполнителей значились Щепкин, Юженин, Савини — выдающиеся актеры той поры. Однако первая, насильственно осуществленная пародия на «Мертвые души» для сцены оказалась неудачной, белинский ценил это произведение Н. В. Гоголя «выше всего, что было и есть в русской литературе». После спектакля Александринского театра он заявил в печати, что такие пародии, когда поэмы лишались на сцене всякого значения и смысла, «возмущают душу». Растерялся был и сам Гоголь, узнавший в Риме об этих неудачах.

Однако, несмотря на негодование автора, инсценировщики, стремившиеся использовать огромный интерес русской публики к «Мертвым душам», не унывали. В театральные архивы и библиотечки можно обнаружить более сотни различных переводов «Мертвых душ» для сцены. Почти все они в разное время ставились разными театрами. И хотя среди исполнителей спектаклей были такие замечательные артисты, как Прох Садовский, Д. Давыдов, К. Варялов, В. Даматков, С. Шумский, ни один из прелюбимых инсценировок не получался успешным.

Все эти факты были хорошо известны руководителю Московского Художественного театра, когда они двадцать с лишком лет назад приняли решение попытаться все же дать новое сценическое решение гениальной гоголевской поэмы. Огромная народная любовь к замечательному произведению писателя, богатейшая материал, который давала театру ирреальная гоголевская характеры, неповторимо выразительный, сочный его язык — все, казалось бы, обещало будущему спектаклю успех. Но достигнуть этого успеха можно было, только избегая тех ошибок, которые совершались ранее при постановках «Мертвых душ». Первую и основную из этих ошибок назвал сам Гоголь в письме Плетвегу, когда возмущенно отозвался о том, что «...из Мертвых душ таскают целыми страницами на театр». Действительно, ремесленники-инсценировщики, с помощью напички и клеев создавшие пародии на поэму, чаще всего именно так и поступали: выхватывая из поэмы отдельные эпизоды, наиболее доступные театру, давая им пытать сваять их в одно целое. Получались как бы сценические иллюстрации к роману, лишённые единства действия и смысла.

Московский Художественный театр пошел более трудным, но единственно верным путем. Гениальный К. С. Станиславский, осуществивший руководство этой постановкой, сразу же порекомендовал от режиссеров В. Г. Савицкого и Е. С. Телешова, а также от всех занятых в «Мертвых душах» авторов создания спектакля, продуманного во все малочисленные, только совпадающего с главной действительной линией гоголевской поэмы, а следовательно, и наиболее полно выражающего в сценической форме содержание, идею, смысл «Мертвых душ».

Задача была не из легких. Спектакль создавался около трех лет, — никогда и нигде ранее не одна из гоголевских постановок не осуществлялась с такой тщательностью, с такой кропотливостью, с таким любовным и вдумчивым отбором литературных и сценических деталей. Было просмотрено 305 репетиций «Мертвых душ», но и эта цифра отнюдь не отражает всей работы, проделанной Станиславским и исполнителями. Каждый

в роли губернатора — народный артист СССР К. Станиславский
в роли Манилова — народный артист СССР И. Кедров

ЕЩЕ ОДНА ПОСТАНОВКА

из нас он неоднократно вызывал к себе на квартиру, и там, в Леонтьевском переулке, в комнате, где впервые родились многие образы, понятия лежащие на сцене Художественного театра, Станиславский упорно, настойчиво отодвигая каждую сцену, каждый эпизод, возбуждая воображение артистов, подталкивая им гениально простые и тонкие задачи.

Станиславский был решительным противником режиссеров-формалистов, «заостряющих» Гоголя, «дополняющих» его текст различными домыслами.

Гоголь писал, что актер, получив ту или иную роль, «должен рассмотреть, зачем призвана эта роль, должен рассмотреть главную и принципиальную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гостень, содействующий к гибели».

Именно этим принципом, воплотившемуся с основными положениями его системы, руководствовался Константин Сергеевич, когда работал с нами над спектаклем. Он часто говорил нам, что, работая над гоголевским текстом, мы должны каждую интересную задачу доводить до предела, до той границы, за которой уже начинается широкое. Станиславский настойчиво протолкал нас от полутона, настаивая на яркости, сочности, но максимально оправданных красках. «Если вам нужно прыгнуть на мост — вы тренируетесь на полтора», — требовал Константин Сергеевич, добиваясь создания типичных образов, выявления главной, основной для данного персонажа черты характера.

Вряд ли в общении, вливая связь, что по идее этой зрелости замысла, чистоты, ясности, строгости режиссерского рисунка постановки «Мертвые души» относятся к подлинным шедеврам режиссерского искусства. Спектакль снова вступает в третья десятилетия своего существования. Сегодня его неуязвимой молодости — в том проявлении режиссерского фундамента, который заложил Станиславский.

И когда Художественный театр простился с некоторыми старейшими своими актерами, не роли в этом спектакле с успехом исполнили актеры так называемого «среднего» поколения. И. Москвина, великолепно игравшего Ноздрева, заменил Б. Ливанов, И. Теравнов заменил в роли Собакевича А. Грибов и С. Блинников, Л. Леонидов в роли Плюшкина — Б. Петяков. За эти двадцать лет в спектакле было много и новых актерских удач — такая, как исполнение В. Бондиной роли Коробочки, которую в первом составе отличал игрок А. Зуев, как исполнение П. Массальским роли Манилова (великолепно сыгранной впервые И. Кедровым). Спектакль «Мертвые души» стал своеобразной школой актерского мастерства — школой, в которую раскрываются наиболее полно коварные возможности опытных мастеров театра и дерзят испытание на зрелость таланта наша молодежь.

Юбилейный гоголевский 1952 год принес миллионный юбилей и Художественному театру: в ноябре — двадцатипятилетие сценической истории спектакля «Мертвые души», прошедшего уже около 600 раз.

«Вы сразу с Гоголем не справитесь», — предупреждал нас Константин Сергеевич. — Он будет валить на обе лопатки. Он настолько велич, что надо прожить в его мире, в гоголевском спектакле, много лет прежде, чем вы дотанетесь до него. Перед премьерой Н. С. Станиславский полутьрагически исполнителем жизни спектакля «Через пять — десять лет вы сыграете свою роль, а через двадцать вы поймаете, что такое Гоголь».

Срок, названный Константином Сергеевичем, приближается к концу, а спектакль становится все более ярким и строгим. Это позволяет нам думать, что надежды Станиславского оправдаются.

Иван Хлестков

«Можно все писать, сделать много, сказать много, написать много, но вех от малю до великого идти только с любовью и любовью, как идет на службу»

И. В. Гоголь

Ряд и разнообразие плеяды гоголевских характеров, воплощенных на советской сцене. Мы рассказывали здесь об опытах мастеров И. Ильинского и И. Мизанского, о творчестве артиста А. Погова и участнике студенческой самодеятельности Ленинградского Студента И. Горбачева.

«Труднейшая роль во всей пьесе — роль Хлесткова» — писала Гоголь. Шликин. — Я не знаю, выберете ли вы для нее артиста. Я сильно боюсь за эту роль».

Болезнь века прошла с тех пор, как написаны эти строки. Однако они поныне служат суровым предостережением для актеров, желающих «малого» прилепить лет двадцати трех, точенного, хуреного; невольно прилепленного... без царя в голове» — как аттестовал своего героя сам гениальный драматург. Называя Хлесткова «пустышкой», указывая, что он «...любит в состоянии остановить постоянного внимания на наивнейшей мысли», Гоголь, тем не менее, возмущался, когда Хлесткова изображали «просто обыкновенным арлекином», и советовал: «Чего больше, истиннейший эту роль! поманут чистосердечием и простотой, тем более он вымучит».

«Болезнь сохрани, если же будут играть с обыкновенными фарсами, как играют хлесткуны и говасты».

В наши дни на встрече актера, который, играя Хлесткова, не попытается быть истинным и реализовать эти драгоценные указания, не стремился бы учесть опыт правдивых исполнителей, обвиняемых, наболевшего успеха — И. Самарина, С. Шувалова, П. и В. Садовских, а в советском театре — С. Кузнецова, М. Ильинского.

Чиновник из Петербурга

В грязном квадратике даярного стекла вырывается высокий черный цилиндр. Всад в этот раздается неопределенное постукивание, словно кто-то начал отбивать ритм милой знакомой ему мелодии, но, раздумав, бросил. В даярах снова появляется артист в модном фраке с цилиндром на голове «чиновник из Петербурга» Иван Александрович Хлестков. Да, стоит посмотреть на него одно мгновение, чтобы сразу узнать только что описанный. Осипом портрет пугающего «квартацин».

Хлестков рывком. Подняла вздох, неуверенно повиснув на пороге номера. Глаза пусты, взор бесцельно устремлен куда-то в неизвестность. По его растерянному лицу с какой-то мимикой моргания глазами видно, что Иван Александрович озабочен. Еще бы! Транширчик нетерпеливо отказался кормить его в долг и само собой дернул твердо. Эдак он, Хлестков, может удержать с голоду в этом проклятом городишке! Тут есть о чем призадуматься!.. Но размышлять не в характере Хлесткова, он говорит и действует без всякого соображения, он привык жить только настоящим.

Народный артист Союза ССР Игорь Владимирович Ильинский при первом же появлении на сцене дает нам полную характеристику своего героя, артисту, ближнему той, которую дал Хлесткову В. Г. Белинский, говоря о его «микроскопической малости и гигантской пошлости». Характеристика эта, бесспорно, основана на словах автора о сущности дающего образа Хлесткова — это «молодой человек, чиновник, и пустой, как называют, но заключивший в себе много чужестранности, принадлежащий людям, которых свет не называет пустыми». И покой гвардейский офицер оказывается иногда Хлестковым, и государственный муж оказывается иногда Хлестковым, и наш брат, грустный литератор, оказывается подчас Хлестковым. Словом, радио что мы не будем кто раз в жизни — даю только в том, что вслед за тем очес ловко повернется, и как будто бы не он.

Вот такой обобщенный, собирательный образ молодого чиновника николаевской Руси, в котором отражены не только характерные черты ее представителей, но и многие отрицательнейшие явления самой эпохи, создаст актер.

Зрительно ясно биография Хлесткова, социальные условия, его породившие. Он видит уродское воспитание в мелкопоместной усадьбе, заволакивая основы характера подростка, но ясно представляет себе чиновничий Петербург с его взятничеством, казнокрадством, подкупничеством, провозом, окончательно навлеченный характеры превращаясь туда не службе молодых людей.

Иванский играет Хлесткова умно и весело, правдиво и сочно. Актер острой и яркой сценической формой, он каждое движение, каж-

дую интонацию подчиняет определенной задаче, основной мысли. Все служит раскрытию образа. Поэтому, прелесть ли он испуганно за дверь номера, боюсь распылять за свои долги, валится ли в кресло, продолжая светским тоном заводить Анну Андреевну, что возле не «...стоять, уми есть счастье», переключается ли по-маленькому через перила балкона, чтобы взять вешник у купцов, или, полностью выказывая свое невежество, шамкля, изображая старика, рассказывая о Пушкине (с которым он не дружеской ноте!) — все это поному раскрывает Хлесткова, полнее характеризует образ.

Вот и кульминация роли — сцена вранья. Гоголь пишет об этой сцене: «Это вообще лучшее и самая поэтическая минута в его жизни» — почти род арлекинов; а перед этим: «Хлестков все на надувает, он на ягит по ремеслу, он сам позыбывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит».

Именно так играет эту сцену Ильинский. Он верит предельно. Он говорит все, что ему приходит в голову, не заботясь о том, какое впечатление это произведет на окружающих, не зная еще, что смеется далеко, может повлечь его речь. Его убогая фантазия даже не может ему подсказать интересные тем для вранья, поэтому он и лжет в основном на темы, подсказанные ему окружающими, в павном западе, искренно веря в то, что говорит.

Он не самозабвен. В его пустую голову даже не приходит мысль, что его принимают за кого-то другого. Он убежден, что все почти оказывается ему по заслугам, что он этим принципиально действительнее представляется очень важным, шутит ли, чиновник из Петербурга!

Потому и «взаймы» он берет как должное, без лишней церемонии, серьезно и убежденно произносит при этом, как, очевидно, кто-то из его начальств: «...а не беру совсем никаких взаймы».

Иванский вторично играет Хлесткова. Впервые он сыграл эту роль в 1938 году. Сейчас, в последний постановке (режиссер — В. И. Цыганов), актер очистил роль от всего, что может отвлекать внимание зрителя от основной линии поведения героя, стараясь как можно точнее воспроизвести образ, созданный великим комедиантом. Вот почему роль Хлесткова стала одной из лучших ролей в гоголевских сценических портретах, созданных народным артистом СССР И. В. Ильинским.

И. ВЕРШНИН

Правда характера

Хлестков невероятно, редкостью самовос. Но сней, который вызывает в зале его слухе и воступи, будет гоголевским смехом только в том случае, если актер не климат правде этого характера.

Андрей Погов, играющий Хлесткова в новом спектакле Центрального театра Советской Армии, думается, верно понял эти основные

«Ревизор» на сцене Малого театра Хлестков — народный артист СССР И. Ильинский

Лауреат Сталинской премии А. Погов в роли Хлесткова. Постановка Центрального театра Советской Армии

требования. Вот Хлестаков впервые появляется на сцене в гриме, заученные манеры уездной гостиницы, томный голодом и озабоченный страхом. Поведение его сразу изобличает человека, определенного в своей пустоте и безднотности, неуверенного в себе, безысходного даже на пылкое упрямство своей судьбой. Неукосненно, непрочно покаяние Хлестакова в жизни. Мелкий чиновник, флюидный, он склонен к пустым, переменчивым, несущественным грезам, знаменит потугами, что обречен на безднотность. Голод доводит его до мысли... продать штаны, в услужников, но бедное воображение тут же рисует картину триумфального приезда домой в петербургском костюме. Он лущит оттого, что труслив, умиляет оттого, что глуп, кавалитизм оттого, что ничтожен. Молодой артист пользуется всем этим комплексом характерных для Хлестакова черт с радостной непринужденностью. Неудачная улыбка, проскользнувшая по лицу Хлестакова при мысли о какой-нибудь помесячной даче, легко и внезапно сменяется унылой гримасой голода, которая столь же быстро и естественно уступает место нагло-то-бартанову вырванию, когда он наконец получает выделенный обед. Страшный испуг, вызванный появлением городского проходимца, когда Хлестаков получает первую записку. И вот уже он пробует казаться щеголевым уездником, в главное воплощение светским человеком.

Постановщик А. Д. Попов, подкашивая артисту острые, выразительные мизансцены, помогает ему создать характер определенными образными, убедительными.

В этом смысле отличной находкой представляется эпизод первого появления Хлестакова в доме городничего.

Хлестаков стремительно пересекает сцену по диагонали, обогает всю комнату, поспешно оглядывая ее, и нисекает обратно к двери. За ним гуськом поспешают чиновники. Это спеша соединяется, но только в зале разделяется дружный шаг становится эска: Хлестаков до такой степени увлечен в инерцию осмотра, что уже столько осматривал, что и эта квартира представляется ему поначалу еще одним заведением, подлежащим ревизии.

Беспорно, удались Андрею Попову многие труднейшие эпизоды роли: сцена с чиновниками, когда они скупают Хлестакова дачными казнями, сцена любовного объяснения с городничей и ее дочкой. Не всегда одинокого и не во всем хорошо проводит Ан. Попов знаменитую сцену вранья Хлестакова. Но артист продолжает свои поиски, которые, надо думать, принесут его трудной работе полную завершительность.

К. С. Станиславский видел сущность характера Хлестакова в соединении флюидности с трусово-малчином. Образ, созданный Андреем Поповым, наиболее точно отвечает этой характеристике.

К. РУДИНИЦКИЙ

Первая роль

Игорь Горбачев — студент IV курса философского факультета. Но он не только философ. В спектакле «Ревизор» Н. В. Гоголя, который был показан в Москве в дни декады Всесоюзного смотря художественной самодельности, Горбачев играл Хлестакова. Станислав поставил студенческий коллектив Ленинградского университета имени А. А. Жданова.

Горбачев в роли Хлестакова создал верный и выразительный портрет молодого петербургского ельщика прошлого столетия. Он хорош собой, у него изящные манеры, сшитый по моде светлороскошный фрак, по моде же взбиты слегка наизусть пыльные волосы. Легкость и изящество внешнего рисунка роли инстинктивно сочетаются у молодого исполнителя с табукой продуманностью социальными характеристиками. Горбачев не пренебрегает образ с своим природным данностям, как это часто делают многие участники спектаклей художественной самодельности. Он инстинктивно в себе то, что помогает раскрыть образ сообразно с авторскими замыслами.

«В нем все сороризм и нежизненность» — этими словами Гоголя о Хлестакове мы могли бы охарактеризовать исполнение студента Горбачева.

Нетнет да и скомпрометрует молодой артист своего героя неправильным произношением французской фразы, излиянием заинтересованностью в подробностях витийной жизни собеседника или просто той необычайной безднотностью, с которой он живет на свете.

Все то, что является наиболее существенным для Хлестакова, — всякую похоть, поволочиться, предаться пухлоросным мечтам, пустить пыль в глаза — все это Горбачев передает очень искренне, естественно. Но в тот момент, когда кажется, что Хлестаков уже окончательно заржался, Горбачев позволяет себе сделать пометательный жест. Голос отдает металлом, и его Хлестаков — по позе величественного монумента над сокрушившимся чуть не до полу чиновником. Но тут же мальчишество снова берет верх, и перед зрителем уже просто молодой человек «без царя в голове».

Резоблачение Хлестакова особенно удалось Горбачеву в четвертом акте — в сцене взятки. Как трусливый мальчишка, трепещет Хлестаков при мысли судьи. Но как только он унаеживает, что судья сам бонит его же, считая важной персона, Хлестаков приходит к себе приспосабливается. Мальчишество переводит в нежность. И Добчинского с Бобчинского Хлестаков принимает уже с благожелательностью подлинно большого человека.

Горбачев не оставляет места сомнениям его Хлестаков — трусливый и безднотный от природы — неизвестный тунец — стал бы жасным социальным гонимым-самодуром, если бы занял должность по-аще.

Глубокая осмысленность исполнения при неопределенности знака на сцене привнесла Горбачеву заветливую уступку.

Е. ХОДУНОВА

ТАРСЕВ БУЛЫЧЕВ

Сила русская

Меньше всего думал В. В. Белоус, сражаясь на Днепре и под Сталинградом, что он когда-либо будет театральным искусством. Но когда тяжелое ранение привело его в госпиталь и надобно было приковать к постели, у бывшего матроса родилась тяга к скульптуре. Ему хотелось в художественных образах воссоздать все то, свидетелем чего он был на фронте, — мужество и беззаветный героизм русского человека, стелевшего на защиту родной России. И тогда же, в госпитале, он вывел свою первую скульптурную композицию, «Сталинград», — возмолвительную похоть о метростанции.

Выбор темы первой работы оправдала и все последующие творческие художественно-самодурные В. Белоуса привнесли образы людей мужественных, волевых, способных на высокие патристические подвиги. Изю всех произведений Н. В. Гоголя скульптор выбрал «Тараса Бульбю».

Перед нами казавший ватным в последние минуты своей жизни. Скульптор торжественно передал ощущение внутренней силы, неслыханной воли старого Тараса. На последних своей скульптуры В. Белоус написал замечательные гоголевские слова: «Да разве найдутся на свете такие огни, мук и такая сила, которая бы переислила русскую силу».

Студент Леонид Козлов в роли Хлестакова. А. А. Жданов. Горбачев в роли Хлестакова

ВСТРЕЧА В РИМЕ

В. В. Гоголь в кругу русских художников в Риме. Осень 1845 года. Деягерттип

В числе изображений М. В. Гоголя, сделанных при жизни писателя и дошедших до наших дней, воспроизводимый нами деягерттип интересен как документ, единственный в своем роде. (Деягерттип — это первоначальный способ фотогравирования, получивший распространение в начале сороковых годов прошлого века.) Великий писатель запечатлен здесь в кругу русских художников, находившихся осенью 1845 года в Риме.

Оригинал этого деягерттипа был разыскан 75 лет назад в петербургской Публичной библиотеке выдающимся критиком, историком русского искусства В. В. Стасовым. Стасов сделал несколько попыток опубликовать свою находку, но ни одна из увенчалась успехом. Предполагая воспроизвести деягерттип в журнале «Русская старина», он обратился к художнику И. И. Мамонтову с предложением изготовить офорт в том же размере, в каком истосован оригинал. В письме от 14 мая 1878 года Стасов писал Крайскому: «Все трудности состоят в том, чтобы сделать похвально, очень похожий 18 лиц, единичной не более горошинки каждая. Это трудно, но не невозможно... А ведь вы такой славный рисовальщик и на сходстве собою сыщете! Милу там, по-моему, так хорошо было бы, чтобы не пропала, а была передана в достояние всех эта группа 18-ти художников наших 40-х годов, с Гоголем во главе! Если бы не то согласие, а бы к Вышнему офорту написан был стетень... Какой тут богатый материал: и архитекторы, и живописцы, и скульпторы, и всякие другие, и Рим, в России, и — Гоголь надо всем!!!» (Письмо не издано; хранится в Государственном Русском музее в Ленинграде).

Из этой попытки тоже не вышло ничего. И лишь в следующем, 1879 году Стасову удалось добиться воспроизведения деягерттипа в журнале «Древняя и новая Россия». Он сохранил свою находку критическим сообще-

нием. Истопник был деягерттип для подарка вице-президенту Академии художеств Ф. П. Толстому в память его приезда в 1845 го-

ду в Рим и встреч с молодыми русскими мастерами искусства, находившимися там «для явщего усовершенствования». В те же месяцы в Рим привезла и Гоголь. Русские художники видели в нем не только гениального писателя, с большим любовью относившегося к изобразительному искусству, но и друга, принимавшего самое горячее участие в судьбе многих из них. Вот почему молодые художники были рады согласию Гоголя сняться вместе с ними.

Ценность этого изображения Гоголя прежде всего в том, что в прижизненной иконографии писателя не существует другого портрета, в котором он был бы изображен в рост. Как справедливо указывает Стасов, фигура Гоголя здесь на высшей степени интересна и характерна, и притом поворот головы и глаз, взгляд — все это для каждого из нас дает что-то новое, еще неведомое, им Гоголь никогда еще таким не казался и не представлял себя. Эти слова Стасова охранили свое значение до наших дней. Другого документального изображения великого писателя не обнаружено до сих пор.

Волею лютého плена Гоголя стоит (заключая руку за плечатым жилет) художник Андрей Лавецкий, превосходящий австралий. Перед ним сидит (возле него лютый рука Гоголя) ближайший друг Т. Г. Шевченко по Академии художеств Василий Штернберг (через несколько дней — 8 ноября 1845 года — Штернберг, высокообразованный живописец, скончался на 27-м году жизни от туберкулеза). Рядом с Лавецким стоит (в плаще) живописец Федор Моллер, прославившийся портретами Гоголя, написанными с натуры и получившими впоследствии широкую известность. Второй слева в заднем ряду — скульптор Николай Раманов, исполнивший после смерти Гоголя мраморный бюст писателя, находящийся ныне в Гретьковской галерее. На переднем плане — натуралист Мариуччо, савва полужилет на полу скульптор Пьетро Станислав, один из наиболее любимых Гоголем представителей римской колонии русских художников. Остальные: живописец Пимен Орлов, архитектор Фе-

дор Эппингер, живописец Михаил Михайлов, архитектор Карл Бейна, пейзажист Сергей Левицкий, архитектор Павел Нотбек, живописец Аполлон Мокрицкий, архитектор Ипполит Монигетти, архитектор Александр Бравура, скульптор Михаил Щурлов, а также «друг художников отставной полковник Глебов».

В своей заметке, приложившей к первому воспроизведению деягерттипа, Стасов саркастически отзывается о некоторых значительных здесь молодых русских художниках. «Посмотрите на нашу фотографию: взгляните на эти шляпы таваральных обригандов, на эти плащи, будто бы необычайные картины и величественные — какой ностроуриный и натурантливый все это махерад! А между тем, это все-таки картина истинно историческая, потому что она искренно и верно передает чужой уклон эпохи, чужую главу из русской жизни, чужую полосу людей, и жинной, и заблудившей».

Следует отметить, что именно эти изображения великого писателя использовались Репин, создавая в 1876 году портрет Гоголя, воспользовавшись им оному настоянию, как сообщал Стасов в одном из писем к П. М. Третьякову.

В заключение укажем, что в литературе мы не находим свидетельства еще о двух деягерттипах, сделанных почти одновременно с публикуемым здесь. На одном из них была представлена другая группа художников вместе с Александром Иваноным. В его записной книжке, находящейся в рукописном отделе Всесоюзной библиотеки имени Ленина, сохранилась даже запись, точно указывающая время, когда был сделан деягерттип: «17 февраля 1846 года» — и имена участников группы, а также то, что деягерттип был подарен Ф. П. Толстому. На другом запечатлены с ним бывшая вместе с Гоголем группа русских художников, смотрящая на тарантеллу, которую лютый исполняют скульптор Раманов и архитектор Монигетти с натуралистом Мариуччи. В печати эти две деягерттипы доселе не воспроизводились.

Н. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Глазами современников

И столетие со дня смерти Гоголя издательство «Ананди» изд. СССР выпустило в свет охарактерный том «Литературное наследие». В нем много места и тем занимает изданные материалы о Гоголе. Мы приведем здесь несколько выдержек из печатной и тоже обширной документальной публикации Л. Р. Ланского «Гоголь в чужбинах: писемные современники», в которую входят свыше 800 писем о Гоголе, обнаруженных архивом Москвы и Ленинграда. В 1836—1850 годах подробно описываются встречи с Гоголем, беседы с ним, чтение им своих сочинений, его работа над «Мертвыми душами» и т. п.

В конце сентября 1839 года, после трехлетнего пребывания за границей, Гоголь возвратился в Россию. С асторгом встретили его литературная и артистическая Москва. Одним из

Михаил Петрович Погодин
(по фотографии)

Первый экземпляр первого выпуска Гоголя с дарственной надписью автора М. П. Погодину

первым узнал о приезде Гоголя генеральный русский актер М. С. Щепкин, преданный друг великого писателя. Он тотчас же отправил заволаговленную записку С. Т. Аксакову, там же связанному дружбой с Гоголем. Вот что писал сын С. Т. Аксакова, двадцатидвулетний Константин Сергеевич, братьям о своей встрече с Гоголем.

«Мы в Москве, наконец, и это случилось скорее, нежели мы ожидали, самым нечаянным и приятным образом. В день именин отца был у нас М. С. Щепкин. Мы разговорились о Гоголе, о его великом таланте и о том, что бог знает когда придется нам его увидеть и услышать то, что он написал нового. Михаил Петрович Погодин писал, что он едет в Россию не почит, Михаил Самыч уезжал в тот же вечер. Через день получаемые мы поутру от него письма, что М. П. Погодин привез из чужих краев и... с ним привез Михаил Васильевич Гоголь! Можем себе представить наш восторг и восторг и изумление! Я закричал, как диво не кричал, и испустил такой

вопл от радости, что перепугал не на шутку Аиму Ивановну и маленькую сестер. Наконец, решено было мне ехать сейчас в Москву да уж там и остаться. Отца не преминуло хотеть пригласить с Милой на другой день, а мамочка с остальными — на третий.

Наконец привез в к Михаилу Петровичу; вошел в залу, он выходит из дверей. Я бросился обнимать его и в дверях упал на Гоголя. Мы тоже обнялись с ним несколько раз. Он сказал сейчас, что получил от меня письмо, но не мог отвечать, потому что получил его слишком поздно и, сверх того, не знал моего адреса. У них обедал я и вместе с Гоголем, отправлявшимся в гости, выехал от Михаила Петровича.

Гоголь написал много, но это секрет: он не любит, чтоб ему говорили об его сочинениях. Мы же стеснялись на этот счет. Он и теперь собирается писать что-то.

Гоголь такой человек, которого нельзя не полюбить, узнав его лично. Внуча он обедал у нас и часто смеялся нас, сама несколько не улыбаясь, чудным человеком! Насчет сочинений своих он очень скрытен и, впрочем, написал более, нежели как открылся, и то одному Михаилу Петровичу. Гоголь, Гоголь! Наконец он здесь теперь! Я эту новость сообщил многим и в том числе Николаю Филипповичу и Каролине Карловне (Павловны). Вообразите, что он был в Испании во время междоусобицы, в Лас-Сабане танцев. Вот вам радостная весть, милые друзья и братья» (Факт пребывания Гоголя в Испании и Португалии точно не установлен, хотя в некоторых источниках и встречаются упоминания об этом).

24—25 октября 1839 года К. С. Аксаков снова писал своим братьям в Петербург:

«Литературное наследие» Гоголя издательство «Ананди» изд. СССР. В нем много места и тем занимает изданные материалы о Гоголе. Мы приведем здесь несколько выдержек из печатной и тоже обширной документальной публикации Л. Р. Ланского «Гоголь в чужбинах: писемные современники», в которую входят свыше 800 писем о Гоголе, обнаруженных архивом Москвы и Ленинграда.

В 1836—1850 годах подробно описываются встречи с Гоголем, беседы с ним, чтение им своих сочинений, его работа над «Мертвыми душами» и т. п.

С. М. Грибов. ПЕД. Х. ЕСТЬ НОВА 1808 (Масло)

«Вот, наконец, наших отправляюсь к вам, и с Гоголем, который недолго пробудет в Петербурге. Я мало ведь писал вам об нем, милые братья, и потому пишу теперь. Мы наговорили всего с ним о его сочинениях, потом мало-помалу, издала, заводил разговор так, что, наконец, он сам рассказывал нам о повесточке «Ревизор» и про...

Я Гоголя люблю и просто как человека. Его лицо, его слова, все его непосредственность мне чрезвычайно нравятся. Гоголь — художник искренний, *durch und durch*; в самом рассказе даже омыслил лица, становится движущимися, живыми образами. Через несколько времени после его приезда услышали мы, что он читал Жуковского у Елагиных. Отец написал записку к Михаилу Петровичу Погодину, в которой упоминал об этом чтении. Михаил Петрович обещал быть у нас в тот день.

У нас обедало несколько гостей: в том числе И. И. Панаев. Вечером приезжали Е. В. Погодина, которая сказала нам, что Гоголь у Нащокина. «Не будет ли он читать у него?» — спросил я. — «Нет, но он будет здесь читать», — отвечала Е. В. — Я почти закричал. Наконец привез Гоголь, с ним Нащокин и М. С. Щепкин. Через несколько времени все усажив в гостиной, и Гоголь начал читать нам. — Я все прерывал его чем-то хозотом.

Все, что мы прочли он, есть истинно художественное произведение. И те главы, которые входят в его сочинения с филью, Гоголь — великий, гениальный художник, который имеет право стоять, как и Пушкин, в кру-

гу первых поэтов, Гете, Шамсидар, Шкляре и проч... Но о самом Гоголе когда-нибудь скажем.

Теперь скажу о представлении «Ревизора». Здесь был назначен «Ревизор», и Гоголь убедил призвать Публика хотела его непременно вызвать. Разумеется, этого ведь не говорили. Я пошел нарочно к краскам. Там увидел я много знакомых: Кетчера, Боткина, Каткова (я был у Белинского еще перед этим, там и видел их). Скоро Гоголь привел в лодку и совершенно спрятался; я уехал на него своим знакомым. Мы уселись было хлопотать беспременно даме в антракт и вызвать после пьесы. Антракт прошел чудесно. Вдруг после второго действия несколько голосов закричали: «Авторы!» Я изумился, потому что я не ожидал этого и боялся, что не будет другим автором; в совсем было расположился, но, явля, что уж начали вызывать, в присоединении к вызывающим и начал поддразнивать всеми сильными, голосом, руками и ногами. Уж если вызывать, так вызывать же! Все мои знакомые сделали то же, и вышел стал общими. Гоголь совсем спрятался в своей лодке. За ним не приходил от дирекции Выход все продолжался, он встал и ушел. Увидя, что он скрылся, публика удивилась пазлов, думая, что он пошел в директорскую комнату. Все обратилось туда, и в ней нельзя было слышать фразу, не услыши крика. Вдруг стали подымать занавес, и все еще громче закричали: «Авторы!» Авторы! Занавес поднялся, вышел на авансцену Саврасов; все замолкло. И он сказал: «Автор комедии в театре не находится». Все были поражены, и современные тишина наступила после этих слов, точно будто сплелись ноты, я ушел в ло-

* Писатель (нем.)

ну и там узнает, что М. Н. Загоскин — раз и мечет на Гоголя, но он сам виноват: зачем ему было не прочитать? А Гоголь не успел ответить, потому что он был у нас несколько раз, и, если бовсе, как и все, полюбил его Великийшии, которого прощу и не буду считать за врага, а у нас для раз и прошедшую субботу. Икон давай, был это для нас!

Гоголь у нас обедал и просидел до позднего часу. Он был огуриши по характеру, но в нас не помнил Гоголя его великий талант Тут сидели, в Д. М. Шацкий, М. С. Щепкин, И. И. Панаев, Б. М. Струве, и все это было в гостинице, где играл в карты, Артемьев и Н. Ф. Павлов? так же. Последни и малюк и смешон и не был в гостинице, но он был присутствием Гоголя, который его давит и подавляет. Он сам по себе, в Гоголь, сам по себе, так что Гоголь был Богом Миндоль Филипповича.

В мае 1840 года Гоголь снова уехал за границу. В одном экипаже с ним отправился молодой литератор В. А. Панов, описавший все подробности своей поездки с Гоголем от Москвы до Вены.

«Я не могу не упомянуть уже теперь», — писал между прочим Писов, — о главном наслаждении, главной пользе, которое путешествие мне до сих пор доставляло, о счастье быть так долго неразлучно вместе с Великим человеком. Да, бывали минуты, когда созерцание его меня вполне наполняло; когда, созерцая все мною испытанное в нем, я видел всю полноту его самосознания, о котором мы не могли иметь понятия в Москве, чудесные минуты.

[illegible]

* Писатель, директор московских императорских театров
† За Гоголем, чтобы тот вышел на пенсию
‡ Беллетрист 1830-х годов. Современники неоднократно отмечали его заимствования у Гоголя

би умеет проникать в глубину того, что живы в себе скрывает. Передавать Вам все мысли, замечания высказанные им в разное время невозможно. При первой возможности запишу их, чтоб не позабыть. — При въезде в города повторялись на словах сцены из начала 1-й главы «Мертвые души»

В октябре 1841 года Гоголь приехал в Россию и привез с собой первый том «Мертвых душ». В Петербурге, где он получил печатное разрешение на издание, не Москва была цензурой, распознала антиправительственную направленность гениального произведения Гоголя. И тогда цензурный комитет запретил «Мертвые души». Гоголь отправил с Великим князем своим родным братом, гвардейским капитаном, письмо с «Мертвыми душами» поступили на цензуру и А. В. Никитино. Разрешая печатать «Мертвые души», Никитино, однако, полностью вымарал «Полтаву» и «Коллежские Копейки». Жалоба списана во что бы то ни стало это эпизод, Гоголь направил Никитино новое письмо с просьбой разрешить печатать цензурой вариант Никитино долго медлил с ответом, печатание задерживалось. В незаданном письме Погодин, оговорившись в конце, что в 1842 году, Гоголь писал:

«Я до сих пор не получил из Петербурга Копейкина. Печатание чрез это остановилось. Все почти уже готово. Какой медлительной Никитенко, просто нет мочи. Ну хоть бы для меня одной строчкой: пожалуйста добейся толку. Еще: постараюсь быть к 9 мая. Здесь этот день для меня сяншном дорог, и я бы хотел тебя видеть в этот день здесь. Прощай! обнимаю тебя».

(Упомянутое в письме дате — 9 мая — день имени Господа.)

Глубокий знаток и ценитель живописи, Гоголь внимательно следил за успехами раде молодых художников, руководил их занятиями и оказывал им материальную поддержку. К числу их принадлежала и малоизвестный художник П. Ф. Зинков, писавший из Петербурга в ноябре 1848 года М. П. Погодину:

[illegible]

слушал так, как бы говорило мне мое сердце; я его еще больше полюбил после этих советов. В третий раз я заходил к нему проститься... Если Николай Васильевич в Москве и был его видите, то к нему всеишжайшее мое почте-

В нежданной части письма самого Гоголя к Погадину имеются следующие строки о Зем-
лес

«Зенков у меня был. Из него выйдет славный человек. В живописи успевает и уже почувствовал своим инстинктом почти все то что приготавлился я ему посоветовать».

В письмах современников содержится упоминания о работ Гоголя над вторым, впоследствии им уничтоженным томом «Мертвых душ». В письме старшей дочери С. Т. Аксакова, Веры, от 26 июня 1851 года, адресованном М. Г. Карташевской, встречаются следующие строки

«До сих пор не успела погово-
рить с тобой. У нас теперь везде
движение, шум, говор.

В воскресенье, в ожидании мамы, я сидела у окна. Слушаю, что-то поет напевает малороссы, приходят осведомиться, приятель или все из деревни. Мы переговорили, узнали, куда поедут, и я рассказала маме, когда придут. Через полчаса после того показались эти экипажи. Это были все наши соседи, и я была рада, что они все деляли זאת, потому что мамин, что уже было поздно, там болела, что он рано ложится спать. На следующее утро я пришла к маме, иду, привнес маме малоросские песни (записанные у него дома в деревню), за которыми мы и пришли. Мама была рада, что я привнесла множество гостей, но, несмотря на то, что Гоголь приходил все записывать, я не могла не сказать, что мамы требовали, чтобы Гоголь попросил, то Гоголь и напевал, и мы повторяли на фортепиано, и мамы были рады, что он иду и ту же песню, так что мамы и другие, а песни прекрасно и словами и музыкой. Гоголь напе-

Потом отец прочел Гоголю из своего записки, после чего он сам принес свою тетрадь и прочел только отцу и братьям четвертую главу. Мы могли насладиться Сашей от вторжения в кабинет и даже употребили физическую силу. Гоголь слышал этот шум на лестнице и улыбнулся, когда узнал после его причины, и сказал: «Почему же вы его не пустили!» В это время также прочел их. Дм. Оболенский, которого мы и удержали внизу.

Сегодня отец рассказывал нам, что читал Гоголя. Они все в воспоминании, только эта глава далеко не так окончена, как предыдущие. Со стороны Гоголя это была маленькая жертва — прочесть то, что он думает потом сам изменить. С Гоголем мы вчера простились (он уезжал в деревню к Смирновой).

Несмотря на неоконченность главы, говорят, Гоголь захватывает такие разнообразные стороны жизни в среде, уже более высокой, так глубоко зачерпывает с самого дна, что даже слишком полны по впечатлению выходят его главы.

М. М. Майзлов. «Детель»

В. В. Вацков. «Мертвые души»

Щуцков

Илья Репин. «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

Илья Репин. «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

ИЗЛОЖЕНИЕ

Борис ЛАВРЕНЕВ

Произведения классиков русской литературы всегда привлекали и будут привлекать к себе внимание лучших художников эпохи. Мастера нашей графики наиболее охотно обращались и обращаются к творениям двух ве-

П. БОГАЧЕВ, ЧИЧКОВ

ликов талантов нашей классической прозы — Льва Толстого и Гоголя.

Это закономерно. Глубина психологических характеристик, почти животная зоркость и точность описания, пластическая образность, великолепные картины быта и русской природы в прозе этих крупнейших представителей критического реализма в русской литературе дают богатейший материал и открывают неограниченные возможности перу и кисти графика. Но, в свою очередь, Толстой и Гоголь требуют от иллюстратора, помимо таланта, полного отказа от какой бы то ни было намеренности, гротеска или бездумной блести, невыразительности рисунка. Иллюстратор Гоголя должен быть последовательным и убежденным художником-реалистом, ибо сам Гоголь даже в своей фантастике не перестает оставаться реальным.

Вполне понятно, что творчество Гоголя у нас в XIX веке узнавало только изредка вышедшие мистеров иллюстрации, как А. Агин, П. Богачевский, П. Соколов, Д. Кардовский. Созданные ими гоголевские серии запечатлели в графическом проявлении незабываемые образы Чичикова, Ноздрева, Манилова, Собакевича, Плюшкина, Коробочки, Салтычиха, Петрушки, скитанца Копейкина, горюдничка, Анны Андреевны, чиновников, других персонажей Гоголя. Популярность этих иллюстраций у читателей была огромна, они во см пор создавали свою жизнь и по заслугам стали классикой русской иллюстрации.

Кроме вышеизванных мастеров графики, Гоголя неоднократно иллюстрировали менее выдающиеся художники.

После Великой Октябрьской революции вновь возродилось творчество и интерес художников-иллюстраторов к творчеству Гоголя, и советские иллюстраторы, особенно за последние годы, создали богатый иллюстрационный материал, позволяющий сделать некоторые обобщения и выводы.

Над иллюстрированием Гоголя трудились такие художники, как Курицын, Е. Кибрик, А. Каневский, Ю. Корзин, А. Константиновский, А. Ванецкий, С. Герасимов, А. Герасимов, А. Пастов, А. Ляпунов, Ю. Кичанчик, Ж. Дергунов и многие другие.

Основным достоинством в большинстве этих работ является следование реалистическим традициям прежних иллюстраторов Гоголя, оставивших богатое и значительное наследие.

Но продолжение хороших традиций предполагает не только освоение их, а и дальнейшую творческую переработку и переосмысление наследия. Образы гоголевских персонажей созданные старыми иллюстраторами, должны быть оживлены и углублены новой трактовкой, выражающей отношение советского художника к гоголевским типам. Советский иллюстратор должен нечисто отказываться от той в общем благодушной иронии, которая характеризует трактовку многих гоголевских типов у А. Агина или П. Богачевского. Это в особенности относится к «Мартыму душам», «Ревизору», «Женитьбе», «Миркоме».

Гоголь вывел в этих произведениях ряд людей, порожденных безразмерным мажоранско-миноранским раком Николая Перого, персонажей с подлинной нетуrow марксов бытовых, статистов, лицейеров, спитомов, мялкин машинистов, шулеров, взыскников, замочечных заведующих. Эти характеры должны быть четко и беспристрастно выявлены иллюстраторами. Иллюстрации, оставаясь строго реалистическими, должны нести отпечаток жесткой, разоблачающей сатиры на враждующее и дикое крепостническое строение и его слуг.

Ноздрев, Чичиков, Плюшкин, Коробочка, Манилов, Собакевич, горюдничек, судья, смитовы богородицы заведующих, кушачков разло — все они не столько смешны, сколько страшны. Из их заверших облик складывается страшный в своей омерзительности непотизм николаевской эпохи.

Стоит ли советскому художнику без критической переделки, механически перенести трактовку некоторых из этих персонажей, данную им старыми иллюстраторами? Нужно ли надеяться, шулер и правдолюб Ноздрев облик не лишнего привлекательности рублика, добра моводца, улыбка; Манилова — сладко сентиментальной внешности; Коробочка — густоты добродушия, основываясь только на гоголевских описательных ремарках и не удумываясь во внутреннюю, убийственную для этих персонажей характеристику, выражающуюся в их речях и действиях? Ясно, что нет. В работе советского иллюстратора над этими персонажами должны естественно присутствовать «свои» видения миру смешивания гнива и боль писателя, его возмущение.

А. Агин, СЦЕНА У ПЛЮШКИНА

К сожалению, не во всех работах советских графиков можно заметить диалектический развитие гоголевских образов во времени. Известно, что в портретной галерее «Марты душ» Манилов — чуть ли не один из самых безобразных, автор относится к нему с ироническим добродушием. Но время, истечение после создания этого произведения, непонятно новым социальным содержанием образ прекрасного помещика «Маниловского прожесточения», вымывающего празднолюбие, «спасительные образы, сентиментальные недоразумения — такими словами ухмылял В. И. Ленин, многократно пользовавшийся образами Гоголя, все резновидности русских революционеров. Советским художникам в их работе над иллюстрированием произведений Н. В. Гоголя следует глубоко изучать гоголевские образы в работах В. И. Ленина. Это тем более важно, что у наших художников порой заметны иерархические следования старым образам. Например, даже в отличных по

А. Агин, СЦЕНА У МАНИЛОВА

исполнению рисунков некоторые новые иллюстраторы Манилов как две капли воды, похож на своего прототипа у Богачевского, и в его сазаринной наружности слабо выявлены черты занки и лицейера, остратительного доводчика. Очевидно, слышало сильно давлении на художников превосходство для своего времени работы предшественников, не дали отойти от привычного представления.

Характерно, что в иллюстрации к другим произведениям Гоголя, где художники имели перед собой такие образцы, их рисунки обладают свежестью и оригинальностью трактовки. Телове серия иллюстраций Курицынских к «Портрету», «Носу», «Нечасному посетителю». Рисунки Курицынских и эти произведения самостоятельны, ерки, в них много счастливых находок в образности типов и обстановки.

Как большую удачу художника надо отметить серию иллюстраций Е. Кибрика к «Искусству Бульбей», уна знаменую читателю по фактическому изданию Дятлова. Теперь Кибрик добавил к черным литографиям, помещенным в этом издании, несколько листов, выполненных в цвете, которые свидетельствуют о новых успехах этого своеобразного талантливого мастера нашей кинематографической графики. Иллюстрации Кибрика к «Искусству Бульбей», несомненно, выше всего, что сделано на эту тему нашими графиком. Выполненные в суровой и сдержан-

А. Каневский. ЧАЕПИТИЕ ШЛАНА ИЛЬМОМРОГО ПИЧА. «Повесть о том, как посмеялся Пала Пича над Ильямомро».

Мурынскими

А. Лавров. СОБАКЕРУХ ПРИСТУПАЕТ К ОБСЛУЖИВАНИЮ

жизни реалистической манере
син вместе с тем прекрасно до-
носят до читателя романтиче-
скую патетику повести.

Отстаивают внимание дав-
нившиеся старцы А. Бубнова
и С. Герасимова. На первой из-
ображена прогулка Ивана Ивано-
вича с Иваном Никифоровичем
на котором — финальный момент
«Крейсер», когда генерал и офи-
церы обнаруживают спрятанно-
го Чертогузского. Можно лишь
пожелать, чтобы оба художника
не ограничивались этими случайны-
ми одиночными иллюстрациями
и продолжили бы свою работу
над Гоголем. В общем иллюстра-
ция много юмора, своего воспри-
ятия характеров, тонкого же-
стества.

Некоторые иллюстраторы про-
являют неправильное понимание
специфики книжной иллюстра-
ции, подменяя ее станковой
картинкой. В миниатюре
Гоголя работы к «Гарусу Буль-
буль» А. Герасимова и Ю. Иванова, в особен-
ности последнее. По своей тщательной за-
конченности рисунок Иванова скорее на-
поминает полотна, подготовленные к очередному
выставке станковой живописи, чем книжную
иллюстрацию.

Яркая индивидуальность творческого почерка
А. Каневского, выделяющая этого худож-
ника среди наших книжных графиков, связа-
на с не его гоголевскими иллюстрациями.
Среди них особенно удачны рисунки, изобра-
жающие положение святейшей дала из миро-
родского суда. Он необыкновенно выразите-
лен и лаконичен, а вместе с тем в него
внешена целая история судебных нравов за-
полуста, рассказанная с остротой и злой на-
смешкой.

Интересны по своеобразию манеры рисунки
Ю. Коровина к «Ревизору», построенные на
умелом использовании контраста света и те-
ни, что, однако, не является у Коровина само-
целью, а хорошо служит выявлению централь-
ных точек композиции.

Из рисунков А. Ванешкина выделяется, как
удачное, изображение Ахиса Ахисевича за
канцелярским столом, в окружении издава-
ющихся над ним чиновников.

Художник, берущийся за работу над иллю-
страциями к произведениям Гоголя, должен
понимать, что главная его задача — всесторон-
няя разработка и первый показ людских харак-
теров, которые созданы великим художником
словом. Работа иллюстратора над гоголевскими
персонажами — это прежде всего работа над
лицом людей, которые отражают не психо-
логию, не внутренний облик. У Гоголя нет без-
мысли, неопределенных персонажей. Даже
эпизодические лица выписаны Гоголем с паз-
стическою выразительностью — это же тре-
буется и от художника. В этой связи стоит по-
говорить об интересной иллюстрации А. Ла-
врова к «Мертвым душам». Художник выполнил
целую сцену, умело раздробленную, — в ней
и больше рисунки с лист и маленькие застав-
ки. А. Лавров хорошо владеет техникой штри-
хового рисунка, умеет экономи-
чными, скульптурными приемами соз-
давать нужное впечатление. Правда, кое-где он не удаляет
должного внимания лицам
изображаемых персонажей
отчего им недостает порою
индивидуальных психологиче-
ских характеристик.

Александр А. Пастова и «Со-
рошников арматур» при те-
хнической ловкости и не ли-
шнем общении облик Пе-
ресса, оставляет впечатление
общей статичности. И при-
липшая перед зеркаль-
цем Пересса, и отталкивающий
перед ней гоголь Черевик как
будто застыли в нарочитых по-
зах.

Перечисленные работы сви-
детельствуют о том, боль-

А. Лавров. РАДОВОРЫ ПОШЛИ ПО ГОРЬ. «Мертвые души»

шом вниманием, которое уделяют совре-
менные графики гоголевской тематике. Но это —
только начало выполнения огромной и по-
стоянной задачи раскрытия гоголевских обра-
зов средствами изобразительного искусства.
Несомненно, такая задача немалым художни-

А. Лавров. ПЕТРУШКА ЗА КНИГОЙ

ми будет выполняться с полным сознанием
ответственности за это большое дело. В иллю-
страциях этого рода нуждаются широчайшие
читательские массы. Нашу литературу — классическую и советскую — читают сейчас не
только наши граждане, но и миллионы людей
в странах народной демократии, в Китае, в
Народной Республике в Корее и во многих
капиталистических странах. Русский язык изу-
чается передовыми людьми во всех концах
планеты. Русская советская книга, а с ней и
книжная иллюстрация давно перешагнули гра-
ницы нашей страны.

А. Лавров. ПЕЛАГЕН «Мертвые души»

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

[illegible][illegible]

Вот так же и в жизни. Вспомните, как вы когда-то были счастливы, когда впервые увидели море. А теперь вы уже знаете, что такое море. И вы уже не будете так же счастливы. Но вы уже знаете, что такое море. И вы уже не будете так же счастливы.

ИЗЪЯВИТЕ СЕ СЪЩО ЗА СЪЗНАВАНИЕТО СЪС СЪУДАРИТЕ И
ИЗЪЯВИТЕ СЕ СЪЩО ЗА СЪЗНАВАНИЕТО СЪС СЪУДАРИТЕ И
ИЗЪЯВИТЕ СЕ СЪЩО ЗА СЪЗНАВАНИЕТО СЪС СЪУДАРИТЕ И
ИЗЪЯВИТЕ СЕ СЪЩО ЗА СЪЗНАВАНИЕТО СЪС СЪУДАРИТЕ И

У дорадак «Звезда» Беніамін Асадовичевицею та її сестрою
Дарина Іванівна Асадова і сестрою Готфрид Асадович
Готфрид «Реніза»
На фото: дідусь і бабуся Марія Антоновична -
286 і 1945 рік, дитинство в УРСР. Нина, Готфрида
Хлесталова, народився артист УРСР Нікіт Ракімов.
Анош Андреевич, заслужений артист УРСР
Маріам Інуковича

Недавно Тбилисским драматическим театром имени К. Марджанишвили поставлена новая постановка «Трибунал».

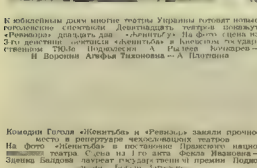
На фото слева сзади — режиссер Христианок В. Годуришвили. Годуришвили Н. Гамбашидзе, Добчинская Н. Годуришвили.

[illegible]

«Ревизор» на сцене Тамбовского областного драматического театра имени Луначарского
На фото: Иванов, Сидоров и 1-го акт

К юбилейным дням многие театры Украины готовят новые постановочные спектакли. Десятинадцать театров готовят «Ревизора» дожить до 100-летия. На фото: сцена из 3-го действия спектакля «Иванов» в Киевском государственном театре. Подписаны: А. Радва, Ю. Шевченко, И. Воронин, А. Гайда, Тихонович — А. Полтавский

Комедия Гоголя «Иванов» и «Ревизор» заняли прочное место в репертуаре чехословацкого театра. На фото: «Иванов» в постановке Пражского национального театра. Сцена из 1-го акта. Фото: Милош Зденек. Подпись: лауреат государственной премии Подольский, Голуб, Милош

«Иванов» в Казахском театре юного зрителя Подписаны: А. Новик, сцена — А. Полтавский. Сидоров — П. Петрович

«Иванов» в постановке Буэнос-Айреса, Аргентина

Знают и любят творчество Гоголя в Народной Республике Болгарии. На фото: сцена из спектакля «Ревизор» в Софийском народном театре

Фото О. Киргоринга, С. Кулишова, В. Лейна, П. Луцаню, Б. Мазура, Н. Мамалева, И. Сахарова и В. Сытова

ПСЕВДОНИМЫ ГОГОЛЯ

«Учелась» — отрывок из повести «Страшный кабан», напечатанный в 1831 году в № 1 «Литературной газеты», — подписан псевдонимом «П. Глечина»; в главе из романа, появившейся в «Северном вестнике», это же название носит один из действующих лиц — миргородский полковник Глечин.

Статья «Несколько мыслей о преподавании дитяти географии» в том же номере «Литературной газеты» была подписана псевдонимом «Г. Ямса». Это имя Гоголя-Являнского.

После выхода в 1832 году «Вечером на даче близ Диканьки» Гоголь почти не прибегал к повседневному. Только в 1837 году под статью «Петербургские записки», напечатанной в № 2 «Современника», он вместо подписи поставил три записочных и в 1842 году в «Москвиты»

нин» подписал рецензию на альманах «Утренняя заря» бунзами «XX».

В третьем действии «Ревизора» Хлестаков, заставившись, рассказывает Петербургской мизане, говорит: «У меня дом первый в Петербурге, там уж и известные люди, Иван Иванович! Я еду туда баловать». Наряду Анны Андреевны: «Я думаю, с каким там винушкой и великолепным дагестанским салом!» и т.д. и т.д. «Просто не говорите, На столе, например, арбуз — а сколько рублей арбуз. Супы — а насколько право, а парокроме пришел из Парнаксострому крышину — пар, который подобный найдет».

«Революция»

былковидно верно и точно отражена русская действительность того времени. Меню тем «сверх-глаголю». Хлестаков имеет вполне реальное основание. В конце 20-х годов XIX века московский почт-директор К. Булгаков в одном из своих писем к брату сообщал: «Еще переживаю суеверия, изговоров, суеверия. Остаток — случайный мне Воронцовым из Лондона. Теперь до такой степени совершенства дошел в рассуждениях кушанья, что готовые обеды от Робертсона в Париже посылают в Индию в Канхи-то местных посуде нового изобретения, где они сохраняются от азиатского плесни».

ДЬЯЧОК
ИОНА ГРИГОРЬЕВИЧ

В произведениях Вячеслава на хуторе близ Денешина в первой и второй частях романа «Сказание о Григорьевиче» — знаменательный рассказчик, «эк. голо- лупа», «не умеющий ни пускаться — так и воспе- сать», «не умеющий ни вос- воспринимать ни о чем дум- ослуживать». В повести «Вечер накануне Рождества» и «Замороженное время» рассказчик — Фомка (Григорьевич).

Роль знаменательного рас- сказчика в романе «Сельский дьявол» не рас- ославив, старину на- ое, «не умеющий ни пус- орисались громадой. (Сель- ое, «не умеющий ни пус- в дьявол должен был обла- дить хорошие голоса, зна- дагоскопическими способнос- и и кровью твою, но не на, собираясь возле него, в дьявол проносился перед- овыми избирателями речи. Если было несколько нации, то обыкновенно избира- рался человек, который или особенно остроумное

На основе этого старинного предания о выборах дьячков — сатириков и юмористов — Гоголь и создал образ Фомы Григорьевича.

Н. АДУКИН

в Индии

2010

В театральном музее Ленинграда в юбилейные дни открывается выставка «Гоголь и театр». На главном стенде под портретом Гоголя надпись: «Театр... такая мафедра, с которой можно много сказать миру добра». М. С. Гоголь. (Статья о театре.

1835-1836 годы).
Перед переездом в Рязань из Петербурга 19 апреля 1836 года в Александринском театре. На ней русский немолодой чиновник казенного ведомства, с бородой и бакенбардами, только нестерпимого дуглячества на дворян, чиновников и купечество...
Одним из любимых персонажей импрессиона «Равнозвон», «Игрок», «Женитьба» с перевернутыми царской цензурой.

Здесь же портреты первых исполнителей городского артиста И. И. Сосновича - в роли Фомы Филипповича Финягина на финальной сцене, сделанные по преданию, самим Гоголем

и много других экспонатов

1836 года, где был поставлен впервые «Ревизор».

A black and white portrait of a young woman with dark hair, wearing a dark dress with a white collar. The portrait is set within a dark, ornate frame. Below the portrait, there is a small, illegible label.

Портрет юного Гоголя,
выполненный художником
А. Ивановым.

Первая эффия «Ревизора»

[illegible]

[Faint handwritten notes at the bottom of the page]

ЫЕ КНИГИ

Выставка заканчивается экспозицией «Мировое значение Гоголя». На стендах — книги, изданные в СССР и за рубежом.

В. ПУХНАЧЕВ

40

REBZOFF.

1840
 1841
 1842
 1843
 1844
 1845
 1846
 1847
 1848
 1849
 1850
 1851
 1852
 1853
 1854
 1855
 1856
 1857
 1858
 1859
 1860
 1861
 1862
 1863
 1864
 1865
 1866
 1867
 1868
 1869
 1870
 1871
 1872
 1873
 1874
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900
 1901
 1902
 1903
 1904
 1905
 1906
 1907
 1908
 1909
 1910
 1911
 1912
 1913
 1914
 1915
 1916
 1917
 1918
 1919
 1920
 1921
 1922
 1923
 1924
 1925
 1926
 1927
 1928
 1929
 1930
 1931
 1932
 1933
 1934
 1935
 1936
 1937
 1938
 1939
 1940
 1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025
 2026
 2027
 2028
 2029
 2030
 2031
 2032
 2033
 2034
 2035
 2036
 2037
 2038
 2039
 2040
 2041
 2042
 2043
 2044
 2045
 2046
 2047
 2048
 2049
 2050
 2051
 2052
 2053
 2054
 2055
 2056
 2057
 2058
 2059
 2060
 2061
 2062
 2063
 2064
 2065
 2066
 2067
 2068
 2069
 2070
 2071
 2072
 2073
 2074
 2075
 2076
 2077
 2078
 2079
 2080
 2081
 2082
 2083
 2084
 2085
 2086
 2087
 2088
 2089
 2090
 2091
 2092
 2093
 2094
 2095
 2096
 2097
 2098
 2099
 2100
 2101
 2102
 2103
 2104
 2105
 2106
 2107
 2108
 2109
 2110
 2111
 2112
 2113
 2114
 2115
 2116
 2117
 2118
 2119
 2120
 2121
 2122
 2123
 2124
 2125
 2126
 2127
 2128
 2129
 2130
 2131
 2132
 2133
 2134
 2135
 2136
 2137
 2138
 2139
 2140
 2141
 2142
 2143
 2144
 2145
 2146
 2147
 2148
 2149
 2150
 2151
 2152
 2153
 2154
 2155
 2156
 2157
 2158
 2159
 2160
 2161
 2162
 2163
 2164
 2165
 2166
 2167
 2168
 2169
 2170
 2171
 2172
 2173
 2174
 2175
 2176
 2177
 2178
 2179
 2180
 2181
 2182
 2183
 2184
 2185
 2186
 2187
 2188
 2189
 2190
 2191
 2192
 2193
 2194
 2195
 2196
 2197
 2198
 2199
 2200
 2201
 2202
 2203
 2204
 2205
 2206
 2207
 2208
 2209
 2210
 2211
 2212
 2213
 2214
 2215
 2216
 2217
 2218
 2219
 2220
 2221
 2222
 2223
 2224
 2225
 2226
 2227
 2228
 2229
 2230
 2231
 2232
 2233
 2234
 2235
 2236
 2237
 2238
 2239
 2240
 2241
 2242
 2243
 2244
 2245
 2246
 2247
 2248
 2249
 2250
 2251
 2252
 2253
 2254
 2255
 2256
 2257
 2258
 2259
 2260
 2261
 2262
 2263
 2264
 2265
 2266
 2267
 2268
 2269
 2270
 2271
 2272
 2273
 2274
 2275
 2276
 2277
 2278
 2279
 2280
 2281
 2282
 2283
 2284
 2285
 2286
 2287
 2288
 2289
 2290
 2291
 2292
 2293
 2294

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

ЦЕНА 3 руб.

